

РОБЕР ДЖ. ГОЛЬЯРД

ЧЕРНАЯ КНИГА

Сказання о Корнваллансе

16+

Робер Дж. Гольярд

Чёрная книга

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Робер Дж. Гольярд

Чёрная книга / Робер Дж. Гольярд — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Самостоятельная часть тетралогии "Сказания о Корнваллисе". Королевство Корнваллис. Страна первородных князей, наёмников и бюргеров, величественных замков и крестьянских хижин. Страна людей и тех, кто прячется в Тёмных лесах. Три книги – три артефакта, созданных древними богами, поддерживают равновесие в этом мире. И если одна из них исчезает, стоит ожидать самого худшего. Когда монарх умирает, оставляя один трон четверым сыновьям, и братья становятся врагами, когда могущественный Орден Вопрошающих кровью и железом утверждает торжество новой веры, ревнители старой корчатся на кострах, а первородные князья, готовые начать междоусобицу, точат мечи – королевство делает шаг навстречу гибели. И когда беда постучится в двери, то, что прячется в Темных лесах Корнваллиса, покажется далеко не самым страшным, ибо никакой артефакт не в силах противостоять человеческим страстям.

© Робер Дж. Гольярд, 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1. Сидмонское аббатство	5
Глава 2. Убийство	14
Глава 3. Гвендилена	23
Глава 4. Подземелье	33
Глава 5. Плохое слово	41
Глава 6. Тёмный лес	49
Глава 7. Братья	57
Глава 8. Первая кровь	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Робер Дж. Гольярд

Чёрная книга

Глава 1. Сидмонское аббатство

Когда сожгли его мать, Эдвину было лет тринадцать.

С отцом и маленькой сестренкой они жили на окраине Талейна – мелкой деревушки в широком пролеске, окруженной корявыми соснами и продуваемой всеми ветрами. Впрочем, деревня была не так уж и мала, хотя Эдвин, с детства наслушавшись рассказов путников, и считал её таковой: не меньше трех дюжин домишек: глиняных мазанок, вросших в землю покатыми крышами, сараев, хлевов и складов, с полями и огородами. Хоть и ютилась деревня посреди леса, но даже ни одним срубом похвалиться не могла: железные топоры имелись всего у двоих местных богачей, людей подозрительных и прижимистых.

Тогда стояла весна, самый ее конец.

Гуайре, отец Эдвина, возился на огороде, прилаживая плетеные из веток щиты перед грядками с наемни высаженной капустой. Хмуро поглядывал на безоблачное небо, с которого ярко светило солнце. Погода была жаркая не по сезону.

– Сажать надо, когда пасмурно, – говорил он, поглядывая на Эдвина, – ума не приложу, что делать. Никогда такого не случалось, чтобы с Капленья жара такая, и ни одного дождя. Как бы не сгорело все.

Эдвин только пожал плечами. Каждый год что-нибудь да случалось: или солнце, или дожди. Или град, не говоря уже о ветре, что постоянно гулял по отрогам Срединных гор. Земля в Талейне была сухая и бедная, и богатых полей с пшеницей тут отродясь не водилось. Жители пробавлялись огородничеством, выращивали ячмень и овёс, а один из местных богачеев, кроме прочего, держал ещё кабак с дрянным пивом: деревня стояла близ довольно оживлённой дороги, связывавшей Северный тракт с восточными графствами, и торговля мехами и кожей приносила жителям хотя и небольшой, но стабильный доход.

Вся эта возня с капустой никогда не доставляла Эдвину особенной радости, но он не роптал. Куда интереснее охотиться: выслеживать зверя, подбираться ближе и, сдерживая дыхание, натягивать тетиву. Но одной охотой жив не будешь, да и ежели все селяне будут постоянно в лесу топтаться, вся дичь скоро разбежится.

Внезапно Гуайре выпрямился, прикрыв глаза от солнца и глядя в сторону деревни.

– Эдвин, – быстро сказал он, – где мать?

– За водой пошла. А что там?

Не ответив, Гуайре подхватил мотыгу и, перескочив через плетень, бросился к деревенской площади. Эдвин побежал за ним.

Все жители Талейна толпились вокруг колодца, с сумрачным видом поглядывая на высокого монаха в темно-фиолетовой рясе. Эдвин никогда таких не видел – монахи из Сидмона носили совсем другие одежды. С гладко выбритым черепом, и торчащими сзади двумя тоненькими косичками. Полтора десятка солдат с алебардами в руках окружали площадь. В кольчугах до колен и бармицах; на шее каждого висел стальной горжет с изображением пламенеющего солнца. Не герцогские, подумал Эдвин: на господском гербе красовался вебрь с рогом на носу.

У Эдвина перехватило дыхание. К высокому столбу в центре площади была привязана его мать. Но не та, которую он привык видеть – со смешливой улыбкой, веселым взглядом и длинными цвета пшеницы волосами, с которыми он так любил играть в детстве.

Платье ее было разорвано, а глаза безумно оглядывали толпу.

– ... и более всех прочих подвержены они суевериям, – возвысил голос монах, медленно поворачивая голову по сторонам, – ибо женщины имеют недостатки как в теле, так и в душе. Они легковверны, а демон, как известно, жаждет главным образом испортить веру человека, что легче всего достигается у женщин. Они скорее подвержены воздействию со стороны злых духов вследствие естественной влажности своего сложения. Их язык болтлив, и все, что они узнают с помощью чар, они передают другим. И, как доподлинно стало известно божьим слугам, женщина эта, Эгвейн, воспитываясь в скверне, переняла от отца своего грех заблуждений. Она – дочь Хенгиста, сожженного за ересь великую, ибо, скрываясь долгое время в Киврене под личиной приходского священника, нес он народу лжеучение красных магов, проклятых людьми и законами.

Монах махнул широким рукавом в ее сторону.

– Пользуясь властью, данной мне великим Орденом Вопрошающих, приговариваю я эту женщину к очищению на костре во славу Аира и для спасения душ славных жителей Талейна. Да будет так.

В тот же мгновение один из солдат поднес факел к куче сухого хвороста, сваленного у ног его матери. Она дико завизжала. Эдвин окаменел.

– Эгвейн! – кричал Гуайре, прорываясь сквозь толпу.

Все смешалось. Вопли толпы, лязг солдатских доспехов, и пронзительный взгляд фиолетового монаха, уставившегося на отца. Не помня себя, Эдвин ринулся к матери, но его тут же сбили с ног, и он упал в пыль лицом. Кто-то держал его за руки, чей-то голос хрипло шептал в уши: уймись, парень, помрешь ни за что.

Эдвин отчаянно извивался, пытаясь вырваться, когда его отца, нещадно молотя древками алебард, потащили к костру. Сухой валежник вспыхнул в мгновение ока, распространяя вокруг невыносимый жар. Над площадью стоял дикий крик Эгвейн, постепенно затихая. Зарывав, Эдвин ударил кого-то ногой, извернулся, и чуть ни на четвереньках бросился к ближайшему дому.

Луки и стрелы были в Талейне у всех – деревня-то стояла посреди леса. Не помня как, Эдвин оказался на покатой крыше, упершись в печную трубу ногами и остервенело натягивая тетиву. Выстрел – и один из солдат, захрипев, свалился прямо в костер. Десятки глоток закричали одновременно, и Эдвину показалось, что вся толпа бросилась к нему. Еще выстрел. Стрела чиркнула по скуле монаха и отлетела в сторону. Тот упал на колени, зажимая левую сторону лица руками. По его пальцам заструилась кровь.

Кто-то стащил Эдвина с крыши, его били и тянули в разные стороны, а он рычал, отбиваясь.

– Молчать! – Внезапно раздавшийся грозный окрик заставил людей отпрянуть в стороны. Эдвин, плюясь кровью, с трудом оторвал свою голову от земли.

Костер полыхал по-прежнему. Кто-то кричал, требуя нести ведра и воды. Всего в нескольких шагах от Эдвина, на огромном черном коне высилась фигура в доспехах с рогатым ведром на груди. Монаха держали за руки, а солдаты с солнцем на горжетах, побросав оружие, столпились в кучку под нацеленными на них остриями десятков копий.

– Как смеешь ты, святоша, вершить здесь суд без моего дозволения?! – Длань в железной перчатке указывала на монаха. Заплывшее жиром лицо Эдана, герцога Беркли, по прозвищу Заячья Лапа, кривилось от ярости.

– Я послан Хэвейдом, Великим магистром Ордена, – прерывающимся голосом объявил монах. – Во славу Аира и с позволения его величества...

Герцог едва заметно шевельнул пальцем, и один из его наемников ударил монаха кулаком прямо в окровавленную глазницу. Охнув, тот повалился на спину.

– Здесь я господин... – зарычал герцог, – ни твой чертов Хэвейд, ни даже Идрис Леолин!

Монах лежал на земле, лоя ртом воздух. Тяжело приподнявшись на стременах – Заячья Лапа был очень грузен, – герцог спрыгнул на землю, звеня железом. Толстая коса, в которую были заплетены его волосы, свешивалась ниже спины.

– Гром!

Пожилый солдат с длинными усами быстро приблизился к своему хозяину.

– Да, сир...

– Этих, – Эдан кивнул в сторону солдат Ордена, – повесить...

Герцог замолчал, раздумывая.

– А с монахом что? – спросил Гром.

– На все четыре стороны. Пусть просветит своего магистра на тот счет, что можно, а что нельзя. Ни еды, ни воды не давать, пока не покинет мои земли. А дальше – как знает.

Эдан обвел взглядом притихшую толпу.

– Кто стрелял в монаха?

Вокруг Эдвина немедленно образовалось пустое пространство. Перешептываясь и наступая друг другу на ноги, крестьяне испуганно подались назад. Эдвин, не отрываясь, смотрел на герцога.

– Это... Эдвин. Сын той женщины, – промямлил кто-то рядом. Кажись, Федельм – один из местных богатеев, деревенский староста.

Эдан Заячья Лапа внимательно глянул на юношу. Его лицо было обрюзгшим, подбородок с неделю не видел бритвы, а маленькие глазки смотрели жестко и колюче.

– Сколько лет?

Эдвин молчал.

– Вроде тринадцать, господин, – низко склоняясь, пробормотал староста, – или четырнадцать.

– А выглядит старше. Мальчишку не трогать. – Герцог мотнул головой в сторону догорающего костра. – Кто она?

Вокруг заголосили.

– Эгвейн...

– Эгвейн, Гуайрева жена...

– Добрая женщина была...

– Вот он лежит.

Только сейчас заплывшими глазами Эдвин разглядел отца, лежащего у колодца. Возле него, причитая, толпились женщины.

Повинуясь взгляду герцога, Гром подошел к недвижному телу.

– Жив, ваше высочество, – спустя минуту объявил он. – Просто без сознания.

– Хорошо.

Эдан вновь взгромоздился на коня. Стянул с руки перчатку и, вытащив из поясного кошелька золотую монету, кинул ее на землю рядом с Гуайре.

– Передайте ему, что как мальчишка подрастет, жду его в Криде. Женщину похоронить как правоверную. По коням!

Сухими глазами Эдвин наблюдал, как герцог прищпорил вороного жеребца. Отряд, подняв тучу пыли и распугивая отчаянно кудахчущих кур, умчался из Талейна, оставив только полтора десятка солдат под началом Грома. Юноша без сил уронил голову на землю.

Вечером Гуайре заявился в местный кабаk, где собралось почти все мужское население Талейна. Руки его дрожали.

– Отчего стояли, как овцы? – гневно кричал он. – Их было то всего с дюжину человек... Видели ж, что не господские! Стояли, как бараны...

Мужчины молчали, отворачиваясь и пряча глаза.

А уже через несколько дней, собрав весь свой нехитрый скарб, Гуайре с осиротевшей семьей покинул деревню и, построив хижину милях в трех от селения, занялся охотой. Особой живности тут не водилось, но и лисы, и волки, чьи шкуры шли на выделку для полушубков, худо-бедно ли, давали ему возможность кормить детей. Никогда больше отец в Талейне не появлялся.

* * *

Эдвин стрелял из лука едва ли не лучше всех сверстников в деревне, хотя, конечно, до отца ему было далеко. Тот как будто с луком родился. И не только с ним. Еще и с мечом, что служило для Эдвина источником бесконечного к нему уважения.

В их доме хранился меч. Старый и давно не точеный, в полтора локтя длиной, он лежал, завернутый в тряпицу, на самом дне единственного сундука. Эдвин обнаружил его случайно, когда еще мальчишкой что-то искал там по просьбе матери, и с тех пор не отказывал себе в удовольствии тайком вытащить клинок, сжать в руке оплетенную потрескавшейся кожей рукоять.

Однажды за этим занятием его застал отец. Ругать не стал, хотя по его лицу и пробежала какая-то тень. Спустя несколько дней, набравшись храбрости, Эдвин рискнул спросить, что да как. Отец ответил не сразу. Постоял некоторое время, опершись на мотыгу, потом сходил в дом за пивом.

В молодости Гуайре был солдатом, тщательно подбирая слова, сказал он Эдвину. Нет, не у нашего герцога, в других краях, хотя и родился здесь.

– И, знаешь ли, Эд, – задумчиво сказал он, заглянув сыну в глаза, – дрянное это дело, грязное. Но потом об этом, дел полно. Давай, помогай.

В тот день они перестилали крышу, на следующий – делали что-то еще, но подробного рассказа Эдвин так и не дождался. Он заметил, что ответы на его расспросы отцу даются как-то тяжело, что ли. И Эдвин наконец отстал, узнав только, что его дед, отец Гуайре, тоже был воином.

Заметив, однако, страстный интерес сына к мечу, Гуайре все же сломался и показал ему несколько самых простых приемов.

– Может, в жизни пригодится, – пожав плечами, сказал он.

Несколько раз они уходили в лес, где Эдвин ожесточенно размахивал палкой, пытаясь достать до отца. Не получилось ни разу, а сам Эдвин заработал с десяток шишек и синяков. На просьбу Эдвина дать ему меч – просто попробовать – Гуайре ответил решительным отказом.

– Видишь ли, этот меч никто не должен даже заметить.

– Почему?

– Не те времена нынче. Просто поверь. И не говори об этом никому.

Эдвин кивнул, задумавшись. В этом мече не было ничего особенного, за исключением грубо выгравированной на яблоке полустершейся буквы «f». Но юноша привык доверять отцу и, заметив в его глазах решительное намерение не отвечать на дальнейшие вопросы, просто промолчал.

Однако с того времени он стал подмечать в облике Гуайре что-то особенное. Эдвин удивлялся, что не видел этого раньше. Как отец ходит – прямо, высоко держа голову, совсем не так, как большинство талейнцев, как смотрит – гордо и независимо, как говорит с односельчанами – твердо и зная себе цену. Эдвин старался ему подражать. Поначалу просто подражать: говорить негромко и рассудительно, ходить прямо и независимо. Дело закончилось несколькими потасовками с деревенскими мальчишками, но Эдвин был упрям. И после того, как он отколо-тил палкой – отцовские уроки не прошли даром – местного бугая Кадела, крепкого и нагло-го парня, уважение к себе заработал.

Кадел, помнится, всегда задира́л Эдвина из-за его шевелюры. Волосы Эдвин носил длинные, до середины спины, как и у его отца, и этим обстоятельством втайне гордился. Длинные волосы – это отличительная черта свободного человека, а таких в его родном Талейне было раз-два, и обчелся. Вилланов, то есть крепостных, обязывали стричься коротко, а рабы вообще носили прическу под горшок. А все свободные вели свой род либо от самого Эогабала, Отца всего сущего, либо от его сыновей и братьев, и даже на тех каменных изображениях всех древних богов, что Эдвину довелось видеть, их волосы изображались настолько длинными, насколько хватало фантазии у резчика.

Гуайре только хмыкнул, когда Эдвин, заявившийся домой с рассеченной губой и заплывшим глазом, коротко рассказал ему об обстоятельствах дела. Даже вроде как одобрительно хмыкнул, заметил про себя Эдвин и тихонько возгордился.

Со временем Эдвин стал ему хорошим помощником: юноша, которому минувшей осенью уж стукнуло семнадцать годков, научился стрелять из лука не хуже отца, а в последние время ему все больше и больше приходилось брать тяжелую работу на себя. Прошлой зимой Гуайре, погнавшись за зверем, свалился в овраг и сломал себе лодыжку. Эдвин тогда места себе не находил: прождав отца четыре дня, он уже собрался отправляться на поиски, на время пристроив сестренку к знакомым в деревне, когда Гуайре, весь обмороженный и опираясь на костыль, приковылял домой.

Нога так и не зажила: отец ходил, сильно хромая, и хуже того – начал харкать кровью, подолгу не вставал с постели. Эдвин шел на охоту, свеживал животных, обменивал в Талейне мясо на хлеб, капусту и пиво, а Гуайре тем временем дубил шкуры в дыму сжигаемого камыша и прочих трав. Нагрузившись доверху, Эдвин отправлялся в Элгмар. Дорога туда-обратно занимала немногим больше недели.

В Элгмаре жил его дядя. Точнее сказать, не дядя, а какой-то дальний родич его матери, подслеповатый и вечно зудящий мужик. Он держал кожевенную мастерскую, с трудом сводя концы с концами: кроме жены, у него было аж четыре дочери, худые и измученные девицы, пропахшие известью.

По дороге обратно Эдвина и подловили. Не дойдя всего мили три до лесной развилки – прямо – на Талейн, налево – к его родной избушке, – он попал в руки солдат.

* * *

Шум и гам Эдвин услышал издали. На всякий случай он свернул в сторону и, спрятавшись за кустами, наблюдал, как по дороге бредет целая толпа, в которой он разглядел и несколько знакомых из Талейна. Все – с хмурыми сосредоточенными лицами и котомками за плечами. Дети, тихонько подвывая, цеплялись за материнские подолы, а мужчины подгоняли тех и других, на ходу переговариваясь с солдатами. Последних Эдвин насчитал около двадцати – небритых, уставших, но зорко посматривавших по сторонам.

Не понимая, в чем дело, юноша глядел во все глаза. На арестованных крестьяне похожи не были – шли быстро, свободно общаясь с охраной, да и кто ж будет арестовывать целые семьи, с малолетками на руках? – а сами наемники казались гораздо больше озабоченными происходящим вокруг. Эдвин помнил пару случаев, когда вилланов угоняли на работы в господское поместье, но и при таком раскладе объяснить присутствие женщин и детей он не мог, тем более что замок Крид находился прямехонько в противоположной стороне.

Юноша слегка высунулся из-за кустов, и его немедля схватили за шиворот. Поглощенный разглядыванием толпы, он не заметил, что по лесу вдоль дороги идут еще несколько солдат. Эдвин сделал попытку вырваться, но его тут же сбили с ног, для острастки шлепнув по спине ножами. Подождали, когда поднимется, и беззлобно пихнули древками копий, отправляя к остальным.

– Там мой отец! Там сестра! – брыкаясь, рычал он. – Пустите!

Солдаты непонятно поглядывали на юношу, а некоторые сочувственно покачивали головами.

– Не буянь, парень, – сказал, наконец, один из них, уже пожилой и с длинными пепельного цвета усами, – не можем тебя отпустить. Приказ его высочества.

– Спасибо лучше скажи, – вмешался другой наемник. – Нету уже, скорее всего, твоего папаша. Если только он в болота не утек. Там дыра адова... Мы эту мразь с трудом в горы обратно загнали, не знаю уж, надолго ли. Ни Кормака, ни Блэйдена, ни Талейна нету – пепелище одно. А в лесах эти твари кишат, как жуки в навозе. Пропадешь ни за что.

Перемолвившись парой слов со знакомыми, Эдвин быстро понял, в чем дело. Война докатилась до герцогства Беркли. Правда, уж как-то слишком быстро. Еще с месяц назад до Талейна дошли противоречивые слухи о том, что леса на юге потемнели и зашевелились, выплеснув целые орды неведомых существ. Потом пришли известия об ожесточенных сражениях возле Харлеха и где-то далеко на востоке. Каким образом все эти лесные твари оказались так близко к Срединным горам, было не объяснить. Крестьяне только пожимали плечами, делясь с Эдвином крохами тех сведений, что успели получить от солдат.

Его высочество Эдан за пару дней до того отрядил полторы сотни наемников, чтобы спасти оставшихся в живых крестьян. Народ с разных деревень собирали в кучу, давая на сборы времени не больше, чем нужно для того, чтобы выпить пинту пива, и гнали, гнали в ближайšie убежища: в Крид, в Элгмар, и, кроме прочего – в Сидмонское аббатство.

Но что было хуже и вообще непонятно, так это то, что нечисть ринулась в Междуречье не с юга, а с севера, прямо с гор – что называется, откуда не ждали, – и за пару дней опустошила несколько деревень, в том числе и Талейн. Герцогские наемники едва успели увести оттуда крестьян – так торопились, что даже скотину забрать не дали, – и, как говорили, в тех местах еще продолжается сражение. Нападение с трудом отбили, загнав чудищ обратно в горы, и сейчас там «зачищают», как со знанием дела объяснил Эдвину один подросток, с важностью промаковав мудреное словечко.

О судьбе отца и маленькой Айб никто рассказать не мог, было известно лишь, что на месте Талейна сейчас пепелище, а тамошний лес горит, стонет и лязгает оружием.

– Не знаю, – хмуро сказал их бывший сосед Мейлге, – может, и выжили. Из деревни почти всех увели, но только народ в разные места отправили. Нас вот в Сидмон, других в Крид, или еще куда. Так что, если спаслись, то там они. Но сейчас туда не пробраться. Подожди уж несколько дней, когда все утихомирится. У меня самого жену в Элгмар угнали. Так получилось. Я на рыбалке был, а как вернулся, глядь – нет уж никого, а солдаты последних собирают. Никто нас не спрашивал.

Мейлге, как-то косо глянув на Эдвина, положил руку ему на плечо.

– Ты только того... держись, парень. Из Талейна-то всех наших так быстро выгнали – ложкарь бы ложку сделать не успел, да только по лесным опушкам вряд ли кто народ искал. Вон, видишь – Гвендилена еле идет, воет. Две недели всего как свадьбу отпраздновали, а муженек ее наемни в лес пошел бортничать. Тоже за ним рвалась. Жаль молодуху.

Эдвин мельком глянул, больше занятый своими мыслями. Ту девушку он видел всего-то пару раз, когда навещался в Талейн, но ни познакомиться, ни толком ее рассмотреть так и не успел. Не уродина, но какая-то вечно испуганная, как ему тогда показалось. Примерно эдвинова возраста, или даже чуть помладше, с длинными темными волосами и пронзительным взглядом. Родом из соседнего Брислена, из многодетной семьи, так что родители ее, судя по всему, рады были одну из своих дочек с рук сбыть. Свадьбу с Триром, сыном местного бортника, за день сыграли, и уехали обратно в Брислен. А Гвен пока дичилась всех и вся, и даже к колодцу за водой почти бегом бегала, опустив очи долу.

Дорога в святую обитель заняла весь день. До того случая Эдвин ни разу в монастыре не бывал, хотя монахов видел: самое меньшее раз в месяц кто-нибудь из них наведывался в Талейн за кожей, каждый раз весьма привередничая. Охотничьи трофеи Эдвина их не интересовали: требовались шкуры козлят, ягнят и телят, и самое лучшее – недоношенных. Больше ничего монахи в деревне не покупали, да и за эти кожи торговались до поросячьего визга, словно речь шла не о богатом аббатстве с тугой мошной, а о каком-нибудь нищем бедолаге, которому нужен кусочек, чтобы сапог залатать.

В ясный день монастырь можно было увидеть из Талейна. Он стоял на вершине высоченной скалы, весь в зелени дубов, грабов и бука; дорога, петляя по лесу, несколько раз спиралью огибала гору Сидмон, поднимаясь все выше и выше. Говорили, что оттуда видны шпили замка Крид – далеко на севере, за Срединными горами.

Монастырь Эдвина поразил: похлеще города будет, решил он. В его родной деревне городом называли Элгмар – то самое место, где жил дядя, но, в общем-то, это была просто большая ремесленная деревня, обнесенная частоколом. Каменные дома, правда, имелись: числом около полудюжины, они стояли на центральной площади. Хоромы принадлежали купцам, державшим в своих руках всю местную торговлю: Элгмар считался важным селением на Западном тракте. Эдвин всегда с некоей завистью поглядывал на эти дворцы, в глубине души желая, чтобы и у него когда-нибудь появилось такое жилище – с ясеневыми дверями, обшитыми железными полосами, цветными стеклами и затейливой резьбой.

Но ни один из тех домов не шел ни в какое сравнение с постройками Сидмонского монастыря. Горная дорога, ширины которой едва хватало для проезда телеги, выводила на плоскогорье, на котором меж двух каменных башен, зажатых зубчатыми стенами, высились ворота – огромные, на массивных петлях и с бойницами наверху. Площадка заканчивалась всего в трех десятках шагов от входа, срываясь в пропасть, в головокружительной глубине которой голубой змеей текла речка. За воротами монастырь карабкался вверх, занимая все видимое пространство башнями, галереями и часовнями – каменными, с колоннами и высокими стрельчатыми окнами, витражи которых в лучах заходящего солнца сверкали разноцветными огнями.

Впрочем, в тот вечер на все это каменное великолепие Эдвин взглянул лишь мельком.

Монастырскую братию уже предупредили о прибытии многочисленных гостей. Солдатский начальник, тот самый, с пепельными усами, коротко переговорив с кем-то через крошечное окошко в воротах, дал знак заходить. Створки в то же мгновение стали тяжело, хотя и без особого скрипа, открываться – по всей видимости, петли регулярно смазывали.

За воротами обнаружился двор – довольно большой, мощный булыжником. Здесь уже было темно: солнечный диск, скользнув последним лучом по самой высокой башне, скрылся за горными вершинами. Толпу беженцев встречали двое монахов с факелами в руках. Высокий старик с белоснежной бородой (как Эдвин узнал впоследствии, брат-госпиталий Кеанмайр) с весьма суровым видом оглядев толпу прибывших, махнул рукой в сторону странноприимного дома – длинного двухэтажного строения с маленькими окошками на противоположной стороне двора.

Дом был пуст; всех беженцев разместили на первом этаже, в обширной зале с множеством циновок вдоль стен. Монахи тем временем, отобрав пару крепких мужиков, куда-то ушли, но спустя четверть часа вернулись вновь; те двое с усилием тащили огромный чан с дымящимся варевом, распространявшим вокруг бобовый аромат. Вооружившись половниками, монахи принялись разливать похлебку в глиняные чашки.

Похлебка, горячая и сильно приперченная, оказалась с салом. В другом случае Эдвин, наверное, оценил бы этот сытный ужин, но не сейчас. Без аппетита проглотив бобы, он улегся на одну из циновок и долго не засыпал, глядя в темноту каменных сводов и изо всех сил пытаясь сглотнуть подступивший к горлу комок.

* * *

Утром оказалось, что монастырский двор не так уж велик, не более полусотни шагов в длину и тридцати в ширину – за несколько последующих дней Эдвин облазил его весь. Дальний конец двора, направо от входных ворот, сильно сужался, превращаясь в коридор, зажатый с одной стороны отвесной скалой, с другой – стеной местной кухни. Коридор оканчивался развилкой: одна лестница, довольно крутая, вела в верхние дворы аббатства, а та, что налево, спускалась вниз, выводя в очередной проулок между домами. Все монастырские пространства были узки и глубоки: крутые склоны горы Сидмон заставляли строителей экономить каждый клочок земли, и за каждым зданием виднелось следующее, забиравшееся все выше и выше.

В нижнем проулке располагались кельи *новицьев* – послушников, готовящихся принять постриг. К вечеру следующего дня одну из пустующих каморок отвели Эдвину: крохотную комнатку без окна, с соломенным тюфяком на полу.

Келья освещалась каменным светильником-чашей, в которой в бараньем жире еле живым огоньком плавал зажженный кусочек пакли.

– В отцовской хижине от простой лучины в два раза светлее, – впервые попав в клетушку, что отныне должна была служить ему спальней, подумал вслух Эдвин, за что немедленно получил подзатыльник от госпиталия Кеанмайра.

– Сие – *лукубрум*, светоч, – сурово заявил он, – ибо светит он во мраке. То – дар нам, грешным, от Аира, Великого Судии. А ты, Беларов выкормыш...

И с этими словами он попытался наградить Эдвина еще одной оплеухой, от которой тот ловко увернулся. Эдвин тогда разозлился, едва сдержавшись, чтобы не нагрубить этому высокомерному хрычу. В конце концов, он не просил о том, чтобы его отправляли в монастырь.

«Отчего не в Крид? – думал Эдвин. – Почему именно к этим святошам?»

Монахов в его родном Талейне особо не жаловали, но терпели. Наверное, потому, что обитатели Сидмона – те, которых Эдвину довелось встречать – были людьми не упертыми, и на его памяти никогда не вступали в перепалки с местными жителями, а также, кроме как редкими миролюбивыми проповедями, ничем не старались убедить крестьян в величии новых богов – Аира и двух его братьев, Инэ и Белара.

Поговаривали, однако, что на севере дела обстояли куда как хуже, и до Талейна иногда доносились противоречивые известия: мол, там даже жгут кого-то за приверженность старой вере. Но не здесь, не во владениях герцога Беркли. Вилланы с удовлетворением покачивали головами, шепотом передавая друг другу слухи о том, что его Высочество Эдан, да продлят *истинные* боги его дни, сам не особо жалуется все эти королевские нововведения.

Сам Эдвин по молодости лет не особо над всем этим задумывался. С детства он знал о старых богах, которым привычно поклонялись его родители, да и все в Талейне, принося испуительные жертвы и устраивая празднества в их честь. А ежели кому-то будет угодно верить еще и в новых – то хуже от этого не будет, считал он. Тем более что один из этой троицы, Инэ, как толковали монахи, считается богом света, храбрости и помощником в добрых делах. И при всем этом Инэ нисколько не мешает ему чтить *исбри*, а при случае, может быть, даже и поможет.

Отец Эдвина, однако, монахов не жаловал.

– Держись от них подальше, – как-то раз сказал он Эдвину, – и пусть хранят нас духи от того, чтобы оказаться как-нибудь между богами старыми и новыми.

Сам Гуайре, помнится, только покачивал головой и уходил прочь из таверны, когда кто-нибудь, напившись пива, заводил бесконечные разговоры о том, слышит ли их нынче Создатель мира Эогабал, и кому теперь женщины должны приносить священные жертвы, ежели о Матери Боанн толкуют нынче, что ее и не существовало вовсе.

Наверное, отец знал, о чем говорил, и потому Эдвин особого доверия к монахам не испытывал.

Сбежать из аббатства было совсем несложно. По несколько раз за день людей выпускали за ворота, в основном за тем, чтобы натаскать воды. Воды требовалось очень много: для пяти десятков прибывших, не считая почти такого же числа монахов и послушников, да еще полудюжины солдат, которые остались в Сидмоне для пушного порядка. В самом монастыре имелся источник воды – огромный колодец под черепичной крышей, но после того, как возле него застали одного талейнского дурачка, который полоскал свою замызганную рубаху, вновь прибывшим пользоваться колодцем для личных надобностей запретили.

Налево от монастырских ворот вдоль северной стены вилась утоптанная дорожка, а чуть дальше в зарослях шиповника обнаруживался крутой подъем в гору. Полчаса ходу по узкой и извилистой тропе – и водоносы оказывались на очень живописном плоскогорье, с небольшим лесочком и доброй полудюжиной ручьев и озерков с кристально чистой водой. Но это была еще не вершина. Дальше, за лесом, гора Сидмон внезапно вырывалась вверх, выбрасывая к небу два острых, как шпили церквей, каменных пальца, заросших мхом и ползучими растениями.

Сбежать – только вот куда? Каждый раз при случае Эдвин с напряженным вниманием прислушивался к разговорам. В войне, вроде, наступило затишье, однако дурные слухи о Талейне и некоторых других деревнях подтвердились. Герцогские отряды оттеснили врага миль на двадцать к западу, но повсюду солдаты находили лишь сожженные селения и горы трупов. Искать там, похоже, было нечего. Но в любом случае, решил Эдвин, сначала он должен осмотреть отцовскую хижину. Там, может, остались какие-нибудь следы, которые подсказали бы, что случилось с его семьей.

Глава 2. Убийство

Брат Мадауг, келарь Сидмонского монастыря, был высок и толст – целый платяной шкаф с маленькими глазками. Его хламида из некрашеной овечьей шерсти всегда отличалась удивительной чистотой: совершенно непонятно, думал Эдвин, как келарю, при его постоянных хозяйственных заботах, удается не посадить на нее хотя бы крошечное пятнышко.

Несмотря на непрístupный вид, монах был, в общем, незлобивым человеком, хотя частенько грубым и сварливым. С заплывшим одутловатым лицом и пронизательным взглядом из-под кустистых бровей. Во всем аббатстве никто лучше брата-келаря не знал, сколько лопат свалено в кучу в углу двора, и сколько из них нуждаются в починке; сколько куриных яиц доставили поутру в монастырь; к какому дню кузнец Руан должен стготовить два стоуна гвоздей; отчего в скриптории опять не хватает киновари; сколько стоит телячья кожа в Талейне или Киврене, и, в конце концов, чем сегодня поутру должен заниматься каждый послушник. Вообще-то, в этом и заключалась келарская работа, но Эдвин все же время от времени поражался, услышав очередное указание толстого монаха.

– В кладовую иди, – говорил Мадауг, – там у западной стены на четвертой полке сверху, шестой справа. Из седьмого ящика еще две штуки возьми, иначе не хватит. И галопом обратно: одна нога здесь, другая – там.

На ходу, чтобы не забыть, Эдвин, повторяя про себя все эти цифры, мчался в кладовую – и точно в указанных местах находил нужное количество свечей, и именно столько, сколько требовалось для того, чтобы отслужить утреню. Свечи в монастыре берегли: здесь их не делали, и эти белые восковые палочки приходилось покупать втридорога у городских мастеров в Брислене. На храм аббатство не скупилось: во время службы во славу Инэ должно гореть пятнадцать свечей, не больше, но и ни одной меньше, а вот монашеской братии такая роскошь не позволялась.

Обязанности Эдвину достались не особо обременительные, и свободного времени оставалось много. Однако ж это был не повод, чтобы на веки вечные остаться в монастыре, хотя Мадауг пару раз и намекал ему на такую возможность. Послушников в Сидмоне, насколько Эдвин успел заметить, насчитывалось всего-то человек десять, а монастырь был очень велик, так что дел хватало каждому.

Всех новоприбывших, кроме детей, на следующий же день определили на работы, и в большинстве случаев на самые тяжелые и грязные. А мне просто повезло, думал Эдвин, выслушав жалобы Хаула, того самого паренька, который по дороге в Сидмон рассказывал ему про солдат. Хаула в компании с парой других подростков отправили в трапезную – мыть и чистить.

– Жуть какая-то, – шмыгая носом, говорил он. – Не пойму: они новициев своих берегут, что ли, или им просто нужно, чтобы мы кашу свою отработали? За весь день, бывает, ни на минуту не присядешь. С утра начинаешь, и только после вечерни передохнуть удается. Два раза в день все накрыть, забрать, что надо, из кухни и у келаря, разложить, нарезать, налить, подать, потом посуду перемыть. К ночи уже спина от усталости отваливается.

Эдвина же брат Мадауг завел в длинный проулок с многочисленными дверцами послушнических келий. Здесь почти всегда царил полумрак, а солнце, если и заглядывало в этот каменный мешок во второй половине дня, ближе к вечерне, то только затем, чтобы мимоходом скользнуть лучом по брусчатке.

– Вот, – сказал Мадауг, вручив юноше метлу и пыхтя от натуги. Быстрота передвижения никогда не была сильной стороной келаря, – подметать от сих и до сих. И чтоб не бездельничать. Два раза поутру метешь, от третьего до девятого часа, и один раз вечером, после ужина. На повечерие можешь не ходить.

Третий час, девятый час... С легкой руки Мадауга Эдвин быстро выучил странное местное времяисчисление, хотя внутренне и противился точному следованию монастырским порядкам. Все эти словечки юношу немного раздражали. Отчего не сделать проще, как у всех нормальных людей? Ясно же, когда солнце встает и заходит, а когда – полдень и полночь. Но здесь все было не по-человечески: первый час в монастыре начинался тогда, когда вершины горы Сидмон еще терялись в предзвездных сумерках.

Здесь монахи, похоже, не спали вовсе, или, по крайней мере, отдыхали по очереди. В главном храме, на верхнем дворе, кто-нибудь из братии бодрствовал постоянно, размеренно читая положенные титулы. Двадцать два раза «О славе Инэ», потом четырнадцать «О Свете и Тьме», затем что-то еще и еще. И наступала Утренняя, в знак чего над всей округой разносился заунывный звук, издаваемый огромной подвешенной на цепях железной доской. Потом чтение шло по новому кругу, с другими молитвами и песнопениями.

– И чтобы ни одной пылинки, – закончил Мадауг. – Воду для полива из кухни бери. В тот дом не заходить.

– А что там? – поинтересовался Эдвин, глянув в сторону высокого двухэтажного строения в дальнем конце проулка.

– Скрипторий. И библиотека. Только для монахов вход, а уборщик там свой есть. И смотри, ежели замечу – выпорю.

Выслушав Мадауга, Эдвин в ответ только пожал плечами. Не надо в скриптории подметать – ну и пожалуйста. Он вообще не видел особого смысла в трехкратной уборке этих задворков: здесь было чисто и сухо, ни земли, ни деревьев, так что даже пыли взяться неоткуда. Послушники приходили сюда только чтобы переночевать, а переписчики, похоже, вообще пользовались другим входом в запретный дом, с одного из верхних дворов. За всю следующую неделю, что Эдвин провел в Сидмоне, он ни разу не видел, чтобы та дверь открывалась, хотя люди в скриптории трудились каждодневно, если судить по отблескам света, едва видимым в крошечных витражных окошках, выходивших во двор.

В монастыре было скучно, и поначалу в голове Эдвина даже возникла мысль просить позволения у брата-ризничего наведаться в библиотеку.

Благодаря своей покойной матушке Эдвин умел читать и, с грехом пополам, писать.

Всю свою жизнь Эгвейн страстно желала сыну лучшей судьбы, и без устали пыталась научить его этой мудреной науке. В их доме хранилась великая ценность: книга, точнее, три дюжины страниц из нее, в пятнах и с почерневшими краями – судя по всему, ее спасли из какого-то пожара. Заглавие на титульном листе гласило: «Удивительные странствия Тэлисина Скорохода», и Эдвин, будучи маленьким, открыв рот, слушал сказочные истории о приключениях этого самого Тэлисина по всему Корнваллису – от южных графств, покрытых дремучими лесами и полных невиданных тварей, до самого Эйлен-Донана на крайнем севере. Дальше, как говорили, расстились только горы и непроходимые болота, обитатели которых были сродни ограм: огромные, в полтора человеческого роста, носившие шкуры и передвигавшиеся верхом на гигантских волосатых животных, у которых рога росли прямо изо рта.

Может быть, здесь есть эта книга, думал Эдвин, и было бы очень интересно узнать, о чем дальше писал тот самый Скороход.

Ризничий Эльфин, крепкий средних лет мужчина, широко открыл глаза, услышав эту просьбу. Монах сильно удивился, узнав, что какому-то мальчишке из богами забытой деревни знакомы азы грамоты, но, тем не менее, сказал «нет».

Эдвин тяжело вздохнул, и Эльфин счел своим долгом объяснить причины отказа. Пригласив Эдвина сесть рядом с собой, прямо на ступени каменной лестницы, он успокаивающе положил руку на плечо юноши. Черты лица ризничего были суровы, и говорил он всегда тихо и рассудительно.

– Видишь ли, мой мальчик, – начал он, внимательно поглядывая на собеседника, – скрипторий – это святыня. Если ты думаешь, что в этом месте просто точат перья да шлифуют пергаменты, то ты сильно ошибаешься. Здесь взращивают плоды духа и замешивают тесто для небесного хлеба души.

Эдвин изумленно глянул на Эльфина, и тот улыбнулся.

– Я попробую объяснить проще. В книгах сокрыта вековая мудрость, потаенное знание всех народов, когда-либо живших, и даже тех, что еще не появились, и надо быть готовым к пониманию этой мудрости. Знать, как буквы складываются в слова, недостаточно. Глупого человека, прочитавшего мудрую книгу, обязательно одолеет грех гордыни – ведь он умеет читать! Ведь он прикоснулся к сокровенному знанию! И только богам ведомо, как он сможет это знание использовать, но наверняка – во вред себе и другим. Отправь-ка в битву неумелого мальчишку с острым мечом – скорее себя да своих товарищей поранит, чем нанесет вред врагам. «Странствия Тэлисина Скорохода», говоришь... Знай, что в каждой книге живут не только знания, но и демоны, готовые утащить в геенну каждого вложившего неверный смысл в богодухновенные слова. Научиться читать несложно, но понимать прочитанное – великий труд. Поэтому только монахи допускаются в библиотеку – даже новичиям вход туда строжайше запрещен. А уж отвлекать внимание переписчиков – это означает не только мешать их работе, но и подвергать опасности их души. Ибо – и это знает каждый монах – существует злой дух, прозванный Тивилитарий, то есть Придирчивый. И каждое утро он приносит в ад полный мешок букв, которые были пропущены либо неверно скопированы переписчиками.

Эльфин встал, отряхивая свою рясу.

– Ну, и последнее. Это ты наверняка поймешь. Книги очень дороги. Год назад твой господин герцог Эдан предлагал отцу-настоятелю целую деревню за одну «Историю правления каменного короля Мередида Уриена». И ему отказали. Некоторые из книг даже приковывают цепями во избежание воровства. – Ризничий улыбнулся. – Но сказанное, конечно, не означает, что эти знания будут всегда сокрыты от тебя. Осмотрись и подумай. Может быть, твое кратковременное пребывание в святой обители натолкнет тебя на мысль выбрать верную дорогу. А пока иди. Видишь, как брат Мадауг косо на нас смотрит? Не любит наш келарь, когда молодежь от работы отвлекается.

Тем не менее после разговора Эдвин любопытства ради тайком подошел к двери скриптория, собственными глазами убедившись в том, что с этой стороны открыть ее невозможно. Ничего напоминавшего замок или замочную скважину на двери не наблюдалось: скорее всего, ее запирали на засов изнутри. Оттуда никогда не доносилось никаких звуков: «замкнутые уста суть важнейшее условие покоя сердца», – сказал ему в том же разговоре Эльфин, так что в скриптории всегда царил полная тишина, нарушаемая лишь скрипом перьев; монахи же в случае надобности общались друг с другом жестами.

В скором времени Эдвин потерял интерес к этому дому, и лишь по утрам, выходя из своей кельи с метлой, по привычке бросал на него взгляд. На закате дня, за четверть часа до вечерни, слабое свечение за окнами пропадало, и скрипторий засыпал, с тем, чтобы на следующий день вновь проявить слабые признаки жизни.

От этих раздумий Эдвина отвлек какой-то шум. Юноша встрепенулся, чертыхнувшись. Двор послушников уже погрузился в тень, а судя по тому, что последние солнечные лучи освещали лишь верхушку главной башни аббатства, повечерие уже подходило к концу. Скоро народ потянется укладываться на ночь, а он еще половины работы не сделал. Эдвин перехватил поудобнее черенок метлы и вдруг замер в недоумении.

Дверь в скрипторий была приоткрыта.

Другого выхода, кроме как через двор послушников, отсюда не было. А это означало, что тот, кто открыл эту дверь, находится сейчас внутри. Во время молитвы, когда вообще-то все

монахи должны быть на службе, и уж во всяком случае, в тот момент, когда переписчики уже покинули свои рабочие места.

Немного подумав, Эдвин осторожно прислонил метлу к стене и, затаив дыхание, прокрался к скриптории. Тишина. Полная тишина. Он легонько толкнул дверь, мысленно ругнувшись: петли чуть слышно скрипнули.

В скриптории царил полумрак. В стене, что выходила во двор, имелись всего четыре крохотных окошка с цветными стеклами, едва пропускавших внутрь тусклый вечерний свет. Густо пахло кожей и купоросом.

Эдвин постоял с минуту, привыкая к темноте; спустя некоторое время он различил ряд столов с покатыми столешницами, а у противоположной стены – длинные и высокие, до самого потолка, полки, заваленные многочисленными свернутыми в трубки пергаментами. В дальнем конце залы на возвышении стояла кафедра, или, скорее, такой же письменный стол, но побольше, и обращенный передней стороной ко всем прочим. А на стене за ним виднелось почти неразличимое в полумраке дрожащее пятнышко света, отбрасываемое невидимой свечой.

Эдвин потоптался на месте, раздумывая. Вообще-то, это не его дело. Кроме того, его совершенно определено накажут, если застанут в этом месте. Хотя... забытая горящая свеча в скриптории, где никого нет, вполне может привести к пожару. Найдя оправдание своему любопытству, Эдвин перевел дух и медленно двинулся вперед, стараясь не задевать сундуки и маленькие столики с письменными принадлежностями.

Действительно: прямо на полу в небольшой глиняной плошке стояла почти догоревшая свеча. А в стене, скрытая кафедрой от посторонних глаз, виднелась маленькая, по грудь высотой, полуоткрытая дверца. Подняв свечу, Эдвин заглянул внутрь. Вниз в крошечную темноту уходил крутой и довольно тесный проход с грубо вырубленными в скале ступенями.

Эдвин почесал нос. Вниз. Вот те раз. Не на верхний двор, а прямо вглубь горы Сидмон, куда-то под монастырь.

– Что ты делаешь здесь?!

Эдвин вздрогнул, чуть не выронив свечу от неожиданности. Грозный голос принадлежал высокому монаху, который внезапно выступил откуда-то из темноты скриптория. Лицо его скрывал капюшон.

– Я... тут свеча... – Эдвин с ходу не нашелся, что сказать.

– Вон отсюда!

Еле протиснувшись между кафедрой и фигурой монаха, и молясь про себя, чтобы все обошлось, Эдвин ринулся к выходу, но, не сделав и пяти шагов, упал, споткнувшись о какой-то мешок, и произведя, как ему показалось, невероятный грохот.

Юноша поднялся на четвереньки, подхватил плошку с чудом не погасшей свечой. И обо-мле-л. Это был не мешок. На полу лежал человек. В монашеской рясе, с лицом, залитым кровью.

– Что это?! – заикаясь, пробормотал юноша. – Вы видели?!

Эдвин повернулся в сторону высокого монаха, но лишь затем, чтобы краем глаза заметить стремительно приближающуюся к его голове дубинку. Голова взорвалась тысячью разноцветных искр, и Эдвин провалился в темноту.

* * *

– Эй, вставай...

Тычок под ребра заставил Эдвина негромко крикнуть. Юноша открыл глаза, угрюмо окинув взглядом нависшую над ним тяжеловесную фигуру в серой рясе. Глаза Мадауга подслеповато щурились, пытаясь привыкнуть к полумраку каменного мешка. Волосатой чисто вымытой пятерней он потряс Эдвина за плечо.

– Вставай, говорю. Брат Эльфин хочет тебя видеть.

– Эльфин? Ризничий? С чего бы это?

– Так он мне и доложил. . . Топай давай. В трапезной Марка найди, он перекусить тебе чего даст. Хлеб и воду – на большее не рассчитывай. Третий час пока идет, есть не положено. Мне и так попадет, ежели прознают, что я тебя подкармливаю.

– Да вы ж знаете, не брал я эту проклятую книгу. . .

Ответом Эдвину была увесистая оплеуха.

– Щенок. . . еще такое услышу, и хлеба тоже не получишь. Неоткуда мне знать: брал, не брал. . . Вставай.

Юноша уселся на подстилке из подгнившей соломы, потирая ушибленный бок и глядя в спину удалявшегося монаха. Дверь в камеру тот оставил открытой.

Вздыхнув, Эдвин поднялся с соломенной подстилки, потянулся и не спеша поплелся вслед за Мадаугом. Его голова уже совершенно не болела, и о минувших событиях напоминал только шрам надо лбом, в том самом месте, где дубинка рассекла кожу. Слава богам, что хоть так, думал Эдвин, в очередной раз ощупывая рубец, почти скрытый волосами – тот мерзавец мог бы и глаз выбить или, того хуже, убить, если бы удар пришелся чуть ниже, по виску.

В тот вечер, почти неделю назад, юноша очнулся от гвалта, стоявшего в скриптории; кто-то тряс его за плечо. Вокруг столпилось человек десять, не меньше, из которых он отчетливо помнил только лицо ризничего. Все хором кричали, перебивая друг друга, а Эльфин, наклонившись к нему, о чем-то строго спрашивал. Глаза заливало кровью. Эдвин сделал попытку подняться, но дикая боль вновь повалила его на пол.

Из скриптория пропала книга, чуть позже скупой сообщил ему брат келарь, заявив также, что Эдвин останется в камере, пока в этом темном деле что-нибудь не прояснится. Понять толком, обвиняют его в случившемся или нет, юноша не мог. Если нет – то зачем держат под замком? Все эти несколько дней Мадауг был по обыкновению сварлив, но – у Эдвина сложилось такое ощущение – все же обращался с ним не так, как должно обходиться с убийцей. Убитым оказался монах по имени Гвилим, которого Эдвин не знал, и вообще ни разу не видел на нижнем дворе; а на вопрос о том, что за книгу украли, келарь в ответ просто фыркнул. Насколько Эдвин понимал, пропажа книги являлась главным доказательством его невиновности: вот если бы он пришел в себя до прихода монахов и, упаси боже, вышел из скриптория, ему бы сейчас, наверное, иголки под ногти загоняли, пытая, куда он спрятал похищенное. А так – все очевидно. Есть труп, есть тяжелораненый. Всем вроде бы должно быть понятно, что он не мог украсть книгу, спрятать ее, а потом вернуться в скрипторий и, разбив себе голову, упасть без сознания.

В очередной раз обдумывая случившееся, Эдвин поднимался по крутой лестнице, нащупывая руками осклизлые стены. Тюрьмы как таковой в монастыре не имелось: предполагалось, что провинившиеся в чем-либо братья должны замаливать грехи на общественных работах, либо пребывать в заточении в собственных кельях. Под камеру приспособили клетушку без окон, располагавшуюся в одном из заброшенных складов рядом с кухней.

До того момента, как Эдвина сюда повели, он и не подозревал о существовании этого места: дорога шла через кухню, по ступенькам спускалась вниз, узким проходом ныряла между высокими стенами, поворачивала направо, спускалась опять, еще направо – и только тогда ты оказывался перед строением с запертой на замок дверью. А там – снова вниз, в подземелье с длинным темным коридором и многочисленными дверцами по обе стороны. Камера была крохотной, не больше девяти футов по диагонали, и в прошлом, похоже, использовалась под винный погребок.

Келарь уже ушел далеко вперед, и Эдвин, пробираясь задворками, думал о том, что перед визитом в трапезную он бы с удовольствием где-нибудь умылся. Все тело зверски чесалось, а волосы, судя по ощущениям, превратились в свалывшуюся паклю.

В узком проходе между домами царили сырость и темнота, а где-то во дворе уже, наверное, нещадно жарило солнце. Эдвин поднял глаза: там, в невероятно высоком голубом небе, парила птица. Поднял – и отскочил назад, прижавшись к стене. Тотчас прямо на то место, где он стоял мгновение назад, с грохотом, рассыпавшись на обломки, упал камень величиной с две эдвиновых головы, а следом – несколько черепиц. Как будто какая-то тень мелькнула на крыше.

– Эй! – хрипловато крикнул Эдвин, морщась от взвеси глиняной пыли, летевшей сверху. – Кто там?

Ответа не последовало, и только издали до Эдвина донеслись отголоски чьих-то воплей. Похоже, это из кухни, мелькнула мысль.

Он присмотрелся: пред ним был не камень, а кусок печной трубы, старой и в трещинах. Чертыхаясь, Эдвин помчался по проходу и слегка перевел дух, только ступив за порог кухни. Служки бегали взад и вперед, а главный повар матерился направо: над огнем в очаге висел огромный медный котел с утренней кашей; горящие головешки валялись по всему полу, а в кашу, судя по всему, попали обломки кирпичей и глиняного раствора.

На ходу сообщив повару о печной трубе – тот заматерился еще сильнее – Эдвин, не останавливаясь, выскочил во двор. Отбежав подальше, он задрал голову и со вниманием принялся осматривать крыши кухни и прилегающих строений. Ничего необычного, и только вопли повара привлекли кое-кого их находившихся поблизости.

Может, конечно, и случайность, нервно подумал Эдвин. Труба наверняка очень старая и вполне могла шлепнуться сама собой, даже без ветра. А может, и нет. О, черт... Эдвин застыл на месте, приоткрыв рот и дивясь простоте той мысли, что сейчас пришла ему в голову. Ведь он единственный, кто видел того человека в скриптории. Видел, конечно, громко сказано, но убийца-то про это не знает. Ясно же, как божий день, что Эдвина держали взаперти вовсе не с целью наказания, а для того, чтобы уберечь ему жизнь. Н-да, ну и дела... Умывание, пожалуй, подождет. И трапезная тоже.

Еще раз глянув наверх, Эдвин развернулся и направился в верхний двор, на ходу здороваясь со знакомыми. Здесь все было, как прежде. Добрых два десятка человек занимались кто чем перед странноприимным домом: несли воду в кожаных ведрах, складывали возле стены какие-то доски, тут же несколько женщин стирали в больших деревянных корытах. Со скотного двора доносились пороссячий визг и куриное кудахтанье. Солнце палило с безоблачного неба, нагревая булыжник и иссушая вялые пучки травы, торчащие из щелей.

В верхний двор вела извилистая крутая лестница, сложенная из больших грубо обтесанных плит. На каменной скамье у ее подножия сидел послушник по имени Соил, хмурый парень лет двадцати – с того момента, как в монастыре появились многочисленные беженцы, здесь постоянно кто-то находился в качестве привратника, чтобы не пускать любопытствующих гостей во внутренние помещения аббатства.

Соил кивнул в качестве приветствия.

– Брат Эльфин ждет тебя, – сказал он, махнув рукой в сторону небольшого одноэтажного дома, по всей видимости, служившего жилищем ризничему.

Кивнув в ответ, Эдвин ступил на площадь, с интересом озираясь – до этого он никогда сюда не поднимался. Двор был раскален летним солнцем и пуст: третий час – в миру время до полуденной трапезы, – только еще приближался к своей середине, и все монахи находились на работах.

Прямо перед юношей высился монастырский храм, древний, как сам Сидмон, сложенный из огромных поросших мхом камней, с колоннами в два обхвата по всему периметру и полукруглой крышей прямо над тем местом, где главный неф пересекался с поперечным. Это место, как уже знал Эдвин, называлось «средокрестием», поскольку все храмы в Корнваллисе, за исключением разве что самых крошечных, строились в форме креста. В апсиде, северной оконечности каждой церкви, всегда располагалось святилище Аира, Великого Судии, в восточ-

ном трансепте – Инэ, а в западном, прямо напротив последнего – Белара. По обе стороны от храма, лепясь к скале задними своими стенами, теснились домики, а слева Эдвин заприметил очередную каменную лестницу, которая вела в следующий двор.

Юноша замедлил шаг, с любопытством вглядываясь в узкий проулок. Насколько он мог судить, именно с того двора переписчики попадали в скрипторий, находившийся уровнем ниже. Наверное, решил Эдвин, с тыльной стороны здания есть дверь, которую он не заметил в темноте.

– Тебе не туда! – строго крикнул Соил, вновь указав пальцем на каменное строение справа от храма.

Эдвин мысленно чертыхнулся. Похоже, ноги сами понесли его в сторону скриптория. Виновато пожав плечами, он зашагал к дому ризничего.

Ступив за порог, юноша остановился, привыкая к полумраку – даже ставни на окнах были закрыты, скорее всего, для того, чтобы не давать проникать внутрь жарким солнечным лучам.

– А, Эдвин! Заходи.

Эльфин сидел за небольшим столиком спиной к входу. Этот стол с табуретом, скамья возле стены и простая деревянная кровать составляли всю обстановку. Обернувшись, монах приветливо кивнул.

– Садись. Ты выглядишь взволнованным.

– Да, отец.

Ризничего Эльфина Эдвин уважал здесь больше всех. Уважение возникло у него еще в первое утро после прибытия беженцев в Сидмон. Брат Мадауг выстроил всех в ряд и принялся распределять работы. Здесь не принято жить нахлебником, заявил он. Вот тогда-то и начались первые склоки. А почему меня драить кастрюли, кричал один, пусть Ифор драит. А чего я, вопил в ответ Ифор, мне сказано – кирпичи класть, это и буду делать. И так далее и тому подобное. Келарь в ответ рычал и ругался, грозя выкинуть всех спорщиков за ворота. Все утихомирилось только благодаря Эльфину, случайно оказавшемуся на дворе перед странноприимным домом. Как у него это получилось, Эдвин так и не понял: ризничий просто говорил что-то тихим голосом, легко кивал – и люди замолкали сами собой. Поворчали еще немного, но уже как-то беззлобно, скорее по привычке, и послушно разбрелись по двору – кто с мастерками и молотками, кто с ведрами, кто со щетками – чистить скотный двор.

Темно-красная ряса Эльфина всегда была безупречно чиста, подбородок гладко выбрит. Морщинки по краям глаз собирались в сеточку, тонкие губы улыбались успокаивающе, когда он со вниманием выслушивал своего собеседника, распространяя вокруг умиротворение и чувство уверенности – так, словно ты разговаривал с мудрым убеленным сединами старцем. При этом ризничий совсем не был старым, хотя сказать, сколько ему лет, Эдвин затруднился бы. Лицо Эльфина могло принадлежать и тридцатилетнему, и пятидесятилетнему человеку.

Наверное, дело в чем-то другом, думал всегда Эдвин. В каком-то потаенном знании, которое светилось в глазах монаха.

Немного путаясь в словах, Эдвин принялся торопливо рассказывать ему событиях последнего получаса. Ризничий слушал его, не перебивая.

– Н-да, – задумчиво произнес он наконец, – этот человек быстро сработал.

– Так вы тоже думаете, что это не случайность?

Эльфин невесело улыбнулся.

– Не знаю. Но в данном случае будет правильнее ожидать худшего. Убийца до сих пор не пойман.

– А я-то подумал, раз меня выпустили из тюрьмы, значит, его нашли, – несколько растерянно пробормотал Эдвин.

Монах положил руку ему на плечо.

– Ты догадливый мальчик. И верно понял, зачем тебя держали взаперти. Но... тебя выпустили только потому, что в дальнейшем заточении уже нет смысла. Неделя уже прошла, а дело не сдвинулось ни на шаг.

– Так вы верите мне? Что это не я? И что я ничего не крал?

Эльфин кивнул.

– Конечно. И не только я, но также брат Мадауг. И даже Селиф, отец-настоятель, был вынужден согласиться с нашими доводами. События той ночи слишком очевидны. – Ризничий помрачнел. – Как очевидно и то, что виновник произошедшего все еще находится в монастыре.

– Как?..

– Уже неделю ни монахов, ни новичиев, ни конверзов не выпускают за ворота Сидмона. И это, кроме прочего, означает, что похищенная книга тоже спрятана где-то здесь.

– А что это за книга?

Вместо ответа Эльфин встал и, заложив руки за спину, сделал несколько шагов взад и вперед по комнате. Наконец он остановился и внимательно посмотрел на Эдвина.

– Будь ты монахом или хотя бы послушником, – сказал он, – ты, наверное, имел бы право знать, отчего пострадал. Но в твоём нынешнем положении тебе это без надобности. Достаточно будет сказать, что из-за этой книги убили человека. И хотели убить тебя, если мы верно понимаем причину падения печной трубы. Но скажи мне: смог бы ты узнать того, кто ударил тебя? Каков он?

Эдвин тяжело вздохнул.

– Ну... у него обычный голос. Мужской. И он на полголовы выше меня.

– Да, это мы уже знаем. Ты ведь рассказывал об этом брату Мадаугу. Но, может быть, что-то еще?

Эдвин уныло покачал головой.

– Было темно. Но... послушайте меня, отец. Я ведь довольно высок. Много ли здесь монахов выше меня ростом?

– Ты стоял на возвышении возле кафедры? Или уже спустился вниз?

Эдвин задумался.

– Не помню. Я очень испугался окрика этого человека.

– То-то и оно. А можешь ли ты точно сказать, стоял он на возвышении или возле тебя?

– Нет. – Эдвин расстроено развел руками.

Эльфин кивнул.

– Вот видишь... Он может быть выше тебя, или ниже, или одного с тобой роста. Получается, что мы не знаем ничего. Кроме одного, пожалуй... что он относительно молод и ловок.

– Почему?

Монах улыбнулся.

– Выйди отсюда и посмотри на строения монастыря сверху. Они стоят так тесно, что можно довольно легко перебраться с одной крыши на другую. Но в моем возрасте, например, я все же не рискнул бы изображать из себя горного козла.

Эдвин замолчал на минуту, задумавшись.

– И что же теперь делать?

– Тебе – только одно. Сходи в трапезную, поешь что-нибудь. Скажи брату Марку, что я разрешил. А потом возвращайся ко мне. Нас ждет отец Селиф.

– Зачем? Я ведь ничего не смогу добавить.

– О, отец-настоятель – очень мудрый человек. И иногда видит то, что сокрыто от людских глаз. Он может помочь тебе вспомнить такие вещи, которые ты сам вспомнить не в состоянии.

Слегка подивившись, Эдвин поднялся со скамьи.

– Отец Селиф – святой? – спросил он.

Ризничий улыбнулся.

– Можно и так сказать. И вот еще что, – добавил он, как только Эдвин ступил на порог, – будь добр, приведи себя в порядок. Неделя в карцере не пошла тебе на пользу.

– Пожалуй, – согласился Эдвин, – только я, с вашего позволения, пойду помоюсь в озере. Вода для купания здесь... не очень.

Монах снова сел за стол.

– Хорошо. Но прошу тебя – будь внимателен. И постарайся успеть до девятого часа.

Эдвин кивнул и вышел за дверь.

Глава 3. Гвендилена

Зелень была свежая и настолько густая, что саму тропинку Эдвин нащупывал почти что наугад, срывая по дороге землянику. Заросли жимолости, караганы и шиповника окружали его со всех сторон, а на самом берегу к живительной влаге клонили свои раскидистые ветви ивы-великаны. Воздух наполняли ароматы ягод и осиное гуденье.

Узенькая дорожка, петляя меж валунов и густого кустарника, выходила прямо к озеру. Не к тому, где обычно набирали воду для монастыря, а к одному из самых дальних, почти у подножия каменных шпилей, увенчивающих гору Сидмон. Место было очень красивое и, что Эдвину особенно нравилось, уединенное. Почти со всех сторон вокруг озерца высились скалы, покрытые бородастым мхом, а с одной из них с невероятной высоты тоненькими струйками падал водопад, разлетаясь брызгами, сверкавшими в солнечных лучах всеми цветами радуги.

Еще на подходе Эдвин принялся развязывать тесемки куртки, предвкушая освежающее купание – особенно после жары и пылицы на монастырском дворе. Озерцо было неглубоким, по шею, не больше, а вода в нем всегда холодновата, но в любом случае гораздо чище и приятнее той, что имелась в самом аббатстве: в огромных осклизлых бочках, и нередко – с слегка плесневелым запахом.

Юноша наклонился, зачерпнув пригоршней прохладной водички, и тут же отпрыгнул в сторону, спрятавшись за кусты. На том конце озера под падающими струйками воды спиной к нему стояла женщина. Она повернулась и, на ходу отжимая мокрые волосы, направилась к берегу, осторожно ступая по камням. Да это ж Гвендилена, нервно подумал Эдвин. Та самая девушка из Талейна, жена бортничего сына.

Он видел ее несколько раз в монастыре, то на скотном дворе, то во время стирки, но так ни разу к ней и не подошел.

Сделав несколько шагов по мелководью, Гвендилена остановилась, вдруг прикрывшись руками и глядя прямо на кусты, за которыми он сидел.

– Дурак, – негромко произнесла она. – Отвернись.

Вот олух я, мелькнуло в голове у Эдвина. Он поднялся, пряча глаза и лихорадочно пытаясь что-нибудь сообразить.

– Платье дай.

Юноша мысленно обругал себя. Тоже мне, хорош охотничек. Сначала человека не заметил, и только сейчас обратил внимание на то, что прямо перед его носом на ветках висит одежда. Пялился на голую бабу, как мальчишка. Не глядя, Эдвин протянул ей платье.

– Извини, – буркнул он, – не заметил я тебя. Сам здесь всегда купаюсь, и ни разу никого не видел.

– Да ладно, – беззлобно сказала Гвендилена и минуту спустя добавила: – Все. Можешь поворачиваться.

Девушка сидела на валуне, отряхивая ноги от песчинок. Исподлобья внимательно на него посмотрела.

– Тебя ведь Эдвином зовут?

Он кивнул, покусывая губу.

– А ты – Гвендилена.

Тоненькое холщовое платье облепило ее мокрую фигуру. Заметив быстрый взгляд Эдвина, девушка скосила глаза вниз и чуть смутилась. Груды у нее были небольшие и крепкие, четко обрисовывающиеся под намокшей тканью. Эдвин смутился в свою очередь. Красивая. А он и не заметил поначалу. Хотя... и случая-то, собственно, пока не представлялось, чтоб рассмотреть. Глаза большие, изумрудно-зеленого цвета, а губы – алые. И, кажется, все же не его возраста, а немного постарше. Лет, наверное, девятнадцати или около того.

– Я... пойду, – нерешительно произнес он. – Или, хочешь, я тебя провожу?

Гвендилена покачала головой.

– Сама дойду. Но ты же, вроде, купаться собирался?

– Э-э... да.

Эдвин потоптался на месте. Девушка улыбнулась, показав белые мелкие зубки.

– Да не смущайся ты так. Женщин ни разу не видел? Я уйду сейчас.

Эдвин закусил губу, не зная, что еще сказать. Гвендилена, как будто задумавшись, сидела, слегка наклонив голову, и сушила копну своих темно-рыжих, с медным отливом волос, перебирая их руками.

– Запашок от тебя, однако, – вдруг фыркнула она, – будто неделю не мылся.

Эдвин пожал плечами.

– Да так оно и есть, собственно.

– Ну да. – Гвендилена кивнула. – Слышала про тебя. Весь нижний двор только о тебе и толковал. Потом, вроде, поуспокоился народ, после того, как Мадауг объявил, что ты не виноват ни в чем, сам пострадал. Расскажешь, как там все случилось? Интересно мне.

– Хорошо. Только попозже, вечером. А сейчас торопиться надо, брат Эльфин ждет.

– Договорились.

Гвендилена подняла руки и принялась заплетать косу. Руки у нее были тонкие и одновременно округлые; в глазах промелькнули искорки, когда она поймала очередной взгляд Эдвина.

– Слушай, – вдруг произнесла она, – если решишь уйти отсюда, возьмешь меня с собой?

Юноша опешил.

– С чего ты взяла, что я уходить собираюсь?

– Мне так кажется, – пожала плечами девушка. – Я ж видела, как ты по дороге в Сидмон домой рвался.

– Хм... – Эдвин уселся на валун. – Я не решил пока.

– Да ладно тебе. – Гвендилена улыбнулась. – Видно же, что монастырская жизнь не по тебе. Только слепой не заметит.

– А ты, похоже, следила за мной.

– Ну да. Без товарища мне отсюда бежать несподручно. Одной, что ли, по дороге брести? Далеко не забреду.

– И куда же ты собралась?

– Не знаю. В Талейн бессмысленно возвращаться. Нет Талейна, говорят.

– А как же Трир? Муж твой?

По лицу Гвендилены пробежала тень.

– Никак. Скорее всего, нету уже его. Я солдат расспрашивала: там камня на камне не осталось. Все повыжжено. Ни одной живой души.

Эдвин помрачнел. Взглянув на него, девушка сочувственно положила руку ему на плечо. Ладонь у нее была мягкая и теплая.

– Извини. Но я думаю, что твоих тоже нет.

Эдвин молчал, угрюмо глядя на круги, разбегавшиеся по воде. Немного погодя он поднял на нее глаза.

– Скучаешь по нему?

Гвендилена неопределенно повела плечами.

– Не знаю. Я ж сама первый раз его только в день свадьбы увидела. А из тех двух недель, что вместе прожили, он половину в лесах пропадал. Но, наверное, да. Жаловаться грех. Добрый, даже не ударил меня ни разу.

– Понятно. – Эдвин тяжело вздохнул. – Я все же попробую своих найти. Отец у меня, хоть и не такой вояка, как раньше, но в обиду так просто себя не даст. Если его в герцогский замок не отправили, то, может, в лесу схоронился. Еще сестричка у меня есть, Айб. Отец болен, не

может за ней ухаживать. Когда все это случилось, я в городе по делам был, а ее Сирвинам на попечение оставил. Знаешь их? Дом у них на восточной окраине.

Девушка покачала головой.

– Нет. Я мало кого в Талейне знала. Не успела еще. Так, только по лицам. Тебя вот, например, заметила.

– Почему?

Гвендилена хмыкнула.

– Не скажу. А большая сестренка-то?

– Пять лет. Так вот: Сирвинов тут нету. Похоже, в другое место угнали. Это тоже хочу узнать. А тебе, наверное, в Брислен надо? У тебя ж там родители, вроде?

– Никогда. – Гвендилена упрямо поджала губы. – Даже если живы они. Мачеха там у меня. С двумя своими дочками, а отец только блеет, когда ее видит. Сам рассуди: кому я там нужна? Вдовушка молодая, да без приданого? Они и так рады были, когда со своей шеи меня спихнули. Думаю куда-нибудь подальше от этих мест уйти. Подальше от них и от войны.

– Куда же?

– Может, в Лонхенбург. Город, говорят, большой, а прислуга везде требуется.

– Экая ты... решительная.

Девушка улыбнулась.

– А как иначе? Иначе пропаду. Да и не будут меня тут долго держать. Кому баба в монастыре нужна? Утихомирится все потихоньку, а потом выпроводят меня отсюда, как и остальных женщин.

– Пожалуй... – Юноша поерзал на валуне.

– То-то и оно.

Гвендилена встала, оправляя платье. Ростом она была на полголовы пониже Эдвина. Прядка рыжих волос упала ей на лоб; девушка забавно на нее дунула. Очень красивая, снова подумал Эдвин. Кожа шелковистая. Губы такие... спелые, что ли. Стройженькая. Даже под этим мешковатым платьем видно. Она была босиком; узкие маленькие ступни заканчивались аккуратными пальчиками.

– Ну, как? Возьмешь?

Юноша нерешительно взглянул ей в лицо.

– Я... я подумую.

– Хорошо.

Она легонько потрепала его по голове, вновь смешливо фыркнув.

– Не бойся. Обузой не буду. Может, даже сгожусь на что.

Эдвин посмотрел на нее, раскрыв рот. Гвендилена весело расхохоталась. И, подобрав юбку, принялась быстро взбираться по тропинке. Дойдя до пригорка, обернулась и, улыбнувшись, помахала ему рукой.

Эдвин еще долго сидел на валуне, раздумывая о Гвендилене. Эта девушка его ошеломила. Размышлять о том, возьмет он ее или не возьмет, даже не приходилось. Конечно, возьмет. А вот как раз о том, почему «даже не приходилось», он и раздумывал.

Эдвин привык ощущать себя взрослым человеком, знающим себе цену. Он неплохо умел стрелять из лука, мог приготовить при случае обед, починить все, что угодно, по хозяйству, рубаху заштопать – в общем, самостоятельный парень, с руками и головой. Не какой-нибудь виллан – свободный, и этим обстоятельством Эдвин всегда гордился. Его дед по отцовской линии был солдатом на службе у деда нынешнего герцога Беркли. Правда, рану получил, вот и пришлось службу оставить. Но за преданность свою получил немного денег и право налоги не платить.

Свободный. Такой же, как и герцог, или даже сам король. Могу идти куда хочу, и делать, что хочу.

Да и внешне совсем не урод. Высокий, худощавый. Эдвин замечал, в особенности в последние год-два, что девушкам он небезынтересен. Несколько раз юноша задерживался до утра на деревенских праздниках в Талейне, и вниманием обделен не был, так что, в общем, непонятно, что его останавливало.

Нет, не девичья неприступность. И Айрис, и Гринна, к примеру, очень откровенно к нему ластились, просто он не мог заставить себя относиться к женскому полу с такой же легкостью, как, например, его приятель Риббе. Тот был мешковат и рыжеват – ничего особенного. Но подружку какую-нибудь на сеновал затащить – это для него раз плюнуть.

А Гвендилена – другое дело, не то, что Гринна или Айрис. Просто красавица. У него аж дыханье перехватило, когда ее увидел. Даже руки задрожали, будто украл чего, но он никак не мог заставить себя не смотреть на нее. И хуже всего, что она, похоже, это заметила. И, может, даже не во внешности дело. Очень она живая. И веселая. Смешливая такая, и тоже делает, что хочет. А язычок у нее острый, сразу видно. И ежели он ее с собой не возьмет, то заслужит только презрение. Вроде как забоялся, или просто не захотел девушке помочь.

Эдвин тяжело вздохнул и, сбросив одежду, полез в воду.

* * *

– Вот он!

Раздавшийся с пригорка крик заставил Эдвина обернуться. Он уже стоял на берегу, завязывая штаны. Продираясь через кусты, к озеру быстро спускались несколько человеческих фигур: монахи и трое солдат из тех, что остались в монастыре.

– А ну, руки подними! – грозно рявкнул один из солдат; другой прицелился в него из арбалета.

– Эй, эй, – обескуражено произнес Эдвин, выставив перед собой ладони, – в чем дело? Я иду уже. Брат Эльфин сказал же, что до девятого часа...

Солдаты окружили его со всех сторон.

– Брат Эльфин, значит... мерзавец.

– Да в чем дело?!

В ответ один из них древком копья больно ткнул юношу в спину.

– Гаденыш... руки ему свяжите.

Запястья Эдвина туго стянули веревкой; другой ее конец солдат намотал себе на руку.

– А ну, давай, вперед.

Всю дорогу монахи – их было двое – шли быстро, не оборачиваясь. Эдвин попытался пару раз спросить, что же все-таки произошло, но, заработав еще несколько тычков копьем, угрюмо замолчал. Его сапоги из мягкой кожи остались на берегу, и босые ноги с непривычки быстро покрылись ссадинами и порезами от острых камешков и колючек.

Реакция людей на появление Эдвина в нижнем дворе его потрясла. Никто не работал. Народ толпился кучками, что-то бурно обсуждая. Увидев юношу, все замолчали. Но ненадолго. Шквал воплей обрушился на него:

– Негодяй!

– Мерзавец!

– Кто бы мог подумать!..

– Убийца!!!!

В Эдвина полетели камни, а кто-то из толпы изловчился ударить его кулаком. И как раз по ссадине на голове, заставив охнуть. Солдаты распахивали людей в стороны, освобождая дорогу, но, казалось, не хотели делать ничего для того, чтобы защитить его от побоев.

Брат Мадауг стоял прямо у них на пути, расставив ноги и уперев руки в бока. Юноша ринулся к нему и крикнул от боли, когда веревка впилась в запястья.

– Скажите, что случилось?!

Толстый келарь, хмуро глянув на Эдвина, сплюнул себе под ноги.

– Надеюсь, боги простят меня... – И с этими словами он наградил Эдвина сильнейшей оплеухой, разбив его губы в кровь. Затем развернулся и зашагал в сторону кухни. – За мной.

Эдвина отвели в то же подземелье, откуда он вышел сегодня поутру, но в другую камеру. Она была побольше, так же без окон и с десятком ржавых железных колец, вделанных в стены; с некоторых свешивались толстые цепи.

На правую руку Эдвина надели кандалы; Мадауг запер их небольшим замком. Солдаты вышли первыми, а келарь принялся возиться с дверью.

– Скажите, прошу вас... – Из губы текла кровь, а голова, казалось, трещала по швам. – Что случилось? Брат Эльфин ведь сказал мне, что все знают, что я не виновен...

Обернувшись, Мадауг гневно посмотрел на юношу.

– И поэтому ты его убил?

Глаза Эдвина ошарашено расширились. Келарь презрительно фыркнул.

– Теперь уж не отвертишься.

С этими словами он вышел из камеры. Замок щелкнул, и Эдвин остался в крошечной темноте.

– Стойте!

Ответа не последовало, и Эдвин различил лишь шум удаляющихся шагов да затихающие разговоры солдат.

Поначалу в мыслях царил полная неразбериха, но кое-что он быстро уразумел. Брата Эльфина убили. Очевидно, после того, как Эдвин вышел от него и отправился на озеро. Убийца понял так: раз Эдвина отпустили, значит, он смог оправдаться и, скорее всего, что-то рассказал ризничему. Может быть, даже о том, как этот убийца выглядит. И расправился с монахом, как только Эдвин ушел. А Соил видел, как Эдвин заходил к Эльфину, да и Мадауг знал, что он туда идет.

Теперь ему ни за что не доказать, что он невиновен. Все думают, будто это он убил Эльфина, а значит, в скриптории, скорее всего, был сообщником. Или даже не сообщником, а наоборот, все же это он убил Гвилима, а рану получил в борьбе с ним.

Эдвин сидел на полу, привалившись спиной к холодной осклизлой стене, и пытаясь унять дрожь. С потолка мерно капала вода.

Нет, все это ерунда. Не сходится ничего. Ведь до этого Эдвин почти неделю сидел в камере, а преступник разгуливал на свободе. Значит, убийца должен понимать, что Эдвин ничего не знает и не сможет рассказать, как тот выглядит. Иначе бы убийцу тут же схватили. А раз так, что Эдвин мог рассказать Эльфину? Ничего. Так зачем же Эльфина убивать? Они должны это понять. Он должен все объяснить, хотя бы брату Мадаугу.

А что именно объяснить?

Поняв, что окончательно запутался, Эдвин ударил себя кулаком по лбу.

А-а-а!!! Он чуть не закричал, ужаснувшись собственной догадке. Так затем убивать, чтобы свалить вину на него, Эдвина. Они думают, что ризничий допросил его и каким-то образом прознал о правде, и Эдвин тут же его убил.

Да. И пошел купаться на озеро. О боги, какая чушь: ни один преступник в здравом уме не стал бы спокойно плескаться в водичке в миле от места убийства.

Но это ему не поможет. Все уверены, что он просто сбежал, и его у озера настигли. Проклятье.

Эдвин попытался успокоиться, вздохнув полной грудью.

Поиски настоящего преступника на этом прекратятся. Они уверены, что уже его нашли. А что дальше? Его повесят, как пить дать. А перед этим будут пытаться узнать, куда он дел похищенную книгу. А поскольку он ничего не скажет, его даже, наверное, будут пытаться.

Эдвин нервно вздрогнул.

Чего ж тогда ждут?

Ну да, это понятно. Монахи людей не вешают. И не пытаются. Не по их части такие дела. Для этого нужен представитель местной власти, на чьих землях находится монастырь. Скорее всего, они уже послали кого-то к герцогу. От силы день-другой, и завтра к вечеру все будет кончено. А ежели гонец на лошади, то и того скорее. Его повесят. Повесят. А перед этим еще пальцы щипцами пооткусывают. А еще, рассказывают, пыточники такое делают...

Эдвин сидел, глядя в темноту. Тело затекло, и он попытался переменить позу. Цепь звякнула.

Левой рукой юноша принялся ощупывать кандалы, холодные и довольно тесные. И мокрые. Но, даже несмотря на это, выдернуть руку не получится – кисти у Эдвина были по-мужски крупные. Замок, который скреплял две их половинки – самый обычный на ощупь, с небольшим отверстием для ключа. А у Эдвина ни ножа, ни куска проволоки.

Эдвин поднялся, шаря по стене. Цепь оканчивалась железным кольцом со штырем, вбитым в щель между камнями. На всякий случай он потянул за кольцо, а затем попытался его повернуть. Не получилось. Судя по слою ржавчины, эти цепи сковали еще при короле Эдгаре, и кольцо сидело в камнях прочно, как будто составляя одно целое со стеной.

Юноша пыхтел от натуги, дергая его то вправо, то влево. Кольцо было слишком маленьким, так что даже хорошенько ухватиться за него не получалось. Цепь громыхала и скрежетала ужасно громко, и он поразился, что возле камеры не оставили охрану. Иначе бы уже давно кто-нибудь заявился, услышав этот шум.

Обессилев, Эдвин вновь опустился на пол. Если и получится выдернуть кольцо из стены, ему не за что не выломать дверь. Насколько он успел заметить, она была дубовой, почти в ладонь толщиной, да и заперта снаружи.

Юноша вдруг затаил дыхание. Показалось, или нет? Под дверью как будто мелькнул неяркий красноватый свет. Опять появился, и снова исчез, словно с той стороны по коридору кто-то тихонько ходил со свечой в руке.

Неужели... убийца?

Нет, вряд ли. Если его, Эдвина, сейчас убьют, все поймут, что настоящий преступник еще не найден. Он сейчас затаился и радуется, попивая вино.

– Эд... – послышался шепот. – Эдвин, ты где?

О, боги, Гвендилена.

– Я здесь.

Свет стал поярче: судя по всему, она поставила свечу на пол. Спустя мгновение из-под двери показались кончики пальцев. Щель была довольно широкой.

– Как ты там?

– Я не убивал его, Гвен!

– Да я знаю. Я тебе верю. Похоже, только я одна и верю. Никто не стал бы убивать, а потом на озеро мчаться, за голыми девушками подглядывать.

– Ну, что ты говоришь такое...

– Шучу. Слушай, – быстро продолжила она, – тебе надо выбираться отсюда. Они завтра к обеду герцогского человека ждут. Догадываешься, зачем.

– Хорошо бы выбраться, но на мне кандалы. Ключ у Мадауга.

Эдвин торопливо рассказал ей про штырь в стене.

– Большая дырка-то в кольце?

– Дюйма два, наверное. Может, чуть больше.

– Понятно. Подожди немного.

Чуть погодя – Эдвину показалось, что прошла целая вечность, – она просунула под дверь палку, судя по виду – черенок от лопаты.

– Вот, попробуй этим.

Вытянув цепь на всю длину, Эдвин едва дотянулся до конца палки.

– А потом-то что? – спросил он.

– Я постараюсь ключ от двери раздобыть. От кандалов-то вряд ли, а вот от двери попробую.

– Это как же? Он тоже у Мадауга.

Гвендилена фыркнула.

– Глупый. Ты что, думаешь, тут от каждой двери свой ключ? Да тут в кладовых три десятка дверей и дверок. Наверняка к половине из них одни и те же ключи подходят. Здесь, знаешь ли, монастырь, и народ не особо вороватый. А на кухне этих ключей целая связка на стене висит. Я попробую найти. Верхняя дверь вообще только на засов закрывается. Так что ты к середине ночи будь готов.

– К середине ночи... я уж тут потерялся.

– Сейчас вечерня. Весь народ на службе. А я сбежала. Все, пошла.

Она подняла с пола свечу.

– Гвен!

– Что?

– Я твой должник.

Девушка тихонько рассмеялась.

– Уж будь уверен – не забуду.

* * *

С той палкой, что Гвендилена просунула ему под дверь, все оказалось намного проще. Эдвин засунул черенок в кольцо и принялся расшатывать штырь. Спустя всего несколько мгновений штырь с каменным хрустом начал поворачиваться, и юноша наконец выдернул его из стены. Железка была длинная – в две трети локтя, и вся покрытая зазубринами – для того, чтобы крепче цепляться за кладку.

Умница Гвендилена, подумал он. Без ее помощи ему бы никогда не вытащить эту штуку. Только бы ей остальное удалось.

Поразмышляв с минуту, Эдвин засунул штырь обратно так, чтобы легко выдернуть его при необходимости.

Судя по всему, вечерня уже давно закончилась, и монастырь сейчас укладывался спать. Кормить, похоже, Эдвина никто не собирался, хотя его желудок отчаянно журчал, требуя еды: последний раз он ел прошлым вечером. Ну и ладно, подумал юноша. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы кому-нибудь пришлось в голову заявиться сюда раньше времени или, чего доброго, перевести его в другое место.

Эдвин вновь уселся на пол, в сотый раз раздумывая обо всех обстоятельствах этого дела. Ничего нового сообразить он не смог: одни и те же мысли круг за кругом прокручивались в голове, пока, наконец, его не сморил тяжелый сон.

Очнулся он от шороха в коридоре.

– Эд...

– Я здесь.

– Хорошо. Сейчас попробую.

Эдвин вытащил из стены штырь и, намотав цепь себе на руку, подошел к двери. Цепь была не меньше четырех футов длиной, но, слава богам, не особенно толстая и тяжелая.

В течение некоторого времени с той стороны слышался только негромкий скрежет: Гвендилена один за другим вставляла ключи в замочную скважину.

– Ну как?

– Сейчас...

Эдвин начал уже переживать не на шутку, когда дверь с негромким скрипом отворилась.

– Тихо, – произнесла девушка, для убедительности приложив палец к губам, – спят все.

Только у ворот два стражника.

Эдвин кивнул и на мгновение задумался.

– Вот те раз... а как же можно отсюда сбежать?

Гвендилена, состроив гримаску, неопределенно повела плечами.

– Не знаю. Я думала спрятать тебя где-нибудь, а потом незаметно выбраться.

– Дурная идея. – Эдвин привалился спиной к стене. – Если меня утром тут не найдут – а ворота-то заперты всю ночь, – весь монастырь обшаривать начнут. Мышь не проскочит.

Гвендилена закрыла себе рот руками.

– Ох, какая я дура. Что же делать?

– Подожди. Выбора нет. Подумаю, где можно спрятаться.

Эдвин кусал губы от волнения, отчаянно припоминая все то, что он знал о монастырских закоулках.

– О-о... – вдруг произнес он.

– Что?

– Безумная затея, но лучше, чем наверняка голову в петлю совать.

Он торопливо принялся рассказывать о том, что видел в скриптории дверку, ведущую куда-то вглубь горы Сидмон.

– Не знаю, что за дверь. Но во всех господских замках – мне отец про это рассказывал – есть тайные ходы на случай осады. Даже иногда несколько. Думаю, в монастыре так же. Надо только тихонько на верхний двор пробраться – вход в скрипторий где-то там. Из двора послушников не войти, там дверь изнутри запирают.

Гвендилена слушала, не прерывая.

– Отлично. Пойдем.

Сделав пару шагов, он мягко положил руку ей на плечо. Обернувшись, девушка вопросительно на него посмотрела.

– Гвен... это дело опасное. Я не знаю, куда тот ход идет, это во-первых. Думаю, что наружу, но вдруг – нет? А если тебя со мной поймают, тебе тоже несдобровать. Решат, что ты моя сообщница. Я один пойду. Если выберусь, буду тебя ждать. Надо только договориться, где.

Нахмутив брови, Гвендилена помолчала несколько мгновений. И вдруг неожиданно улыбнулась.

– Ты молодец. Хороший. Но я с тобой пойду, я решила. Надоело здесь торчать.

– Гвен...

– Все равно пойду. За тобой следом. Кроме того, у меня есть еда, – она потрясла перед его носом небольшой котомкой, – а у тебя ее нет.

Эдвин вздохнул, собираясь с мыслями. Похоже, она действительно пойдет, что бы он ни сказал.

– Хорошо.

Ступая на цыпочках, они выбрались в узкий проулок за стеной кухни. Гвендилена затушила свечу. Прямо над ними в невероятно высоком темно-синем небе висела огромная луна, заливая все вокруг мертвенным светом и отбрасывая жутковатые тени. Стрекотание сверчков висело в свежем ночном воздухе.

Эдвин вдохнул полной грудью. И чертыхнулся, больно ударившись босой ногой об обломки печной трубы, которые все еще валялись в проходе. Цепь звякнула.

– Тихо ты...

Повернув налево, они оказались у развилки: одна лестница, спускаясь, вела к странно-приятному дому и монастырским воротам, другая – в верхний двор. Гвендилена начала легко

взбираться по высоким ступеням, но внезапно остановилась перед очередным поворотом, прижавшись к стене и предостерегающе подняв вверх руку. Эдвин осторожно выглянул за угол.

До верхнего двора оставалось не больше двух десятков ступенек, но прямо на входе, на том же самом месте, где поутру он видел Соила, под торчащим из стены факелом на каменной скамье сидел послушник. Он дремал, уронив голову и спрятав руки в широкие рукава.

– Проклятье... – пробормотал Эдвин. – Я и не думал, что по ночам здесь тоже кто-нибудь сторожит. Он крепко спит?

Гвендилена покачала головой. В самом деле: послушник время от времени ежился и взмахивал рукавом, отгоняя ночных насекомых.

Эдвин скрипнул зубами.

– О, боги. Пойдем обратно. Надо что-то другое придумать.

– Постой, – зашептала Гвендилена. – Я знаю его. Это Освен.

– Ну и что?

– Я ему нравлюсь.

Эдвин пожал плечами.

– Послушнику?!

– Ну да. Послушник – не человек, что ли? Не всем же святыми быть.

– И что из этого?

– А вот что: когда дам знак, подкрадешься к нему сзади.

– Чего?!

Не ответив, девушка распустила свою роскошную шевелюру и, подобрав юбку, направилась прямо к Освену. Оторопев, Эдвин стоял в тени скалы и смотрел ей вслед.

Заслышав шаги, Освен повернул голову в сторону лестницы, чуть приподнялся и тут же опять плюхнулся на скамью. Гвендилена медленно подошла к нему; до Эдвина донесся неясный звук ее голоса. Они о чем-то говорили; девушка встала таким образом, что послушник повернулся к ней, оказавшись спиной к лестнице. Она подошла совсем близко; Освен воровато огляделся по сторонам и вдруг положил руки ей на талию. Гвендилена тихо засмеялась, запустила пальцы ему в волосы. Даже издали Эдвин увидел или, скорее, *почувствовал*, как послушника начал колотить озноб. Дрожащими руками тот принялся шарить по ее телу, пытаясь развязать платье. Гвендилена вся прогнулась в его объятьях и запрокинула голову, как будто глянув в сторону Эдвина. Эдвин стоял, вытаращив глаза. Она что-то тихо говорила послушнику, а тот не находил покоя, пытаясь прижать ее к себе все сильнее. Она обхватила голову Освена, притянув его лицо к своей груди, и его руки сошли с ума.

Вдруг Гвендилена прямо и открыто посмотрела в сторону Эдвина.

Очнувшись, он ринулся вверх по лестнице, крепко держа цепи, чтобы те не гремели. В последний момент Освен что-то услышал, попытался повернуться на шум, но Эдвин оказался быстрее. Подскочив к послушнику, он со всей силы ударил его по голове кандалами. Цепи негромко звякнули.

Освен мешком свалился на каменный пол. Эдвин стоял рядом, тяжело дыша.

– Ты чего долго-то как? – зашипела Гвендилена, торопливо завязывая платье на груди. – Замучилась тебе кивать. Уж думала, самой придется искать, чем бы его треснуть...

Эдвин промолчал.

– Не стой, сандалии с него сними. Босиком по горам ты далеко не убежишь.

– Знаю, – сердито ответил Эдвин.

Опустившись на колени, он оторвал несколько полос ткани от рясы, запихнув один Освену в рот. Тот по-прежнему лежал без сознания. Связав ему руки за спиной другим куском, Эдвин принялся стягивать с него сандалии. Цепь оглушительно гроыхала на каменной брусчатке.

– Знаешь, – сказала Гвендилена, – сдается, ты мне уже дважды должен. Или даже трижды.

– А третий-то раз за что? – хмуро спросил Эдвин.

– Да так...

– Знаешь что?!..

– Что?

– Объяснить надо было, какие знаки ты собралась мне давать...

Они уставились друг на друга, пытаясь, как парочка филинов над трупом убитой белки. Глаза у Гведилены сверкнули в темноте.

– Ты ревнуешь, что ли? – тут же хитро спросила она.

Эдвин ничего не ответил, искоса глянув в ее сторону.

– Давай помогу, – сказала девушка.

Вместе они оттащили недвижимое тело Освена подальше от скамьи, в тень.

Тишину на верхнем дворе по-прежнему нарушал только стрекот сверчков. Или им действительно удалось проделать все незаметно, решил Эдвин, или все эти небольшие строения по обе стороны от храма, за исключением домика Эльфина, были нежилыми. Во всяком случае, ни в одном из них не мелькнул свет, и никто не вышел.

Эдвин торопливо завязывал сандалии – слава богам, они подошли в самый раз, – продолжая слегка злиться на Гвендилену. В чем причина – он и сам себе объяснить не мог. Неужели правда заревновал, глядя, как она прижимается к этому Освену, а тот лапает ее по всему телу? Глупец. Бросив взгляд на девушку, Эдвин разозлился на самого себя. Стоит и смотрит на него. Насмехается, что ли?

– Пойдем, – мягко сказала она, – торопиться надо. А то придет сейчас в себя...

Эдвин кивнул и, подхватив свои кандалы, направился вслед за Гвендиленой.

Вход в скрипторий нашелся сразу же. Они поднялись по лестнице и оказались у задней стены дома, совершенно глухой, без окон, а в двух десятках шагов дальше обнаружилась и дверь: небольшая, обитая железом, и с огромным висячим замком. Напротив скриптория к почти отвесной скале лепились хозяйственные постройки. Эдвин облегченно вздохнул: судя по всему, монахи жили где-то в другом месте, еще выше. На всякий случай он поднялся по следующей лестнице на несколько ступенек, чтобы убедиться, что им никто не помешает. Кельи были там: по обе стороны длинного и узкого двора виднелись многочисленные дверцы.

Внимательно осмотревшись, Эдвин вернулся к Гвендилене. Та стояла возле входа в скрипторий, задумчиво перебирая связку ключей.

– Не подходят, – пожалала она плечами в ответ на вопросительный взгляд Эдвина. – Да мы могли бы и сами догадаться, что вряд ли от этой двери ключи на кухне висят...

Вдруг они посмотрели друг на друга, одновременно выдохнув:

– Освен...

– Я сейчас. А ты здесь жди, чтобы цепями не греметь. – Гвендилена, подобрав юбку, побежала обратно. Спустя несколько минут она вернулась, с победным видом показывая ему несколько ключей, висевших на большом кольце.

– Все еще лежит, не шевелится, – мимоходом сообщила она, – крепко ты его... Готово! Без всякого шума дверь отворилась.

Глава 4. Подземелье

Эдвин осторожно прикрыл за собой дверь и привалился к ней спиной. Правое запястье, натертое кандалами, ощутимо болело. Сейчас уже цепь не казалась настолько легкой, как поначалу.

В скриптории царил полумрак: лунный свет едва пробивался через небольшие витражные окна. Гвендилена, резво сбегав вниз по ступенькам, встала на колени и принялась копаться в своем мешке. Судя по уверенным движениям, в темноте она видела куда лучше Эдвина. Спустя несколько мгновений тишину залы нарушил звук кресала, чиркающего о кремль. Юноша внутренне хмыкнул: надо же, какая предусмотрительная.

– Есть! – удовлетворенно заявила Гвендилена, подняв зажженную свечу. Остатки тлеющего трута она затоптала ногой, размазав его по каменному полу, и обернулась к своему товарищу. – Показывай, где.

– Подожди.

Внимательно осмотревшись вокруг, Эдвин выбрал одну из скамеек и подпер ею дверь, постаравшись закрепить край доски в щели между плитами ступенек.

Довольно хмыкнув, юноша направился в противоположный конец скриптории, к той самой кафедре на возвышении, за которой он в прошлый раз заметил открытую дверцу. Стена вся была обшита деревянными панелями, покрытыми грубой резьбой, изображавшей хитросплетения ветвей, среди которых прятались странного вида двуххвостые птицы. И никаких следов двери.

В ответ на вопросительный взгляд Гвендилены он пожал плечами и, взяв у нее свечу, начал внимательно осматривать стену.

– Ты уверен, что дверь здесь? – шепотом спросила девушка.

Эдвин кивнул и принялся легонько обстукивать панели костяшками пальцев. Прямо за кафедрой дерево отозвалось глухим звуком.

– Здесь, – сказал он, – но двери не вижу. Не видно под резьбой. Ни замочной скважины, ничего нет. Может, с той стороны заперта?

– Да нет, это глупо, – отозвалась Гвендилена, – если это тайный ход из Сидмона, то она должна отсюда открываться, разве не так?

– Угу, – согласился Эдвин.

Немного подумав, он стал нажимать на все выпуклости подряд. Его пальцы скользнули по причудливо изогнутой виноградной лозе, что-то тихонько шелкнуло, и дверца, как будто под действием пружины, сама отворилась на пару дюймов. Вот ведь, подумал Эдвин, если кто не знает, что где-то здесь есть потайная дверца, то и вовек не догадается. Он потянул за створку. Вниз в темноту вела крутая лестница.

– Да хранят нас боги, – пробормотал Эдвин и, пригнувшись, скользнул в проход.

Дверка была невелика – немногим выше груди обычного человека, но сам подземный ход, слава богам, оказался вполне достаточной высоты: юноше приходилось только слегка склонять голову, чтобы не задевать за неровно обтесанный потолок, из которого торчали острые края камней.

Проход начал плавно загибать вправо, потом влево, потом снова вправо, и Эдвин в скором времени потерял направление движения. Когда они уже спустились достаточно глубоко, не меньше чем на сотню футов от уровня скриптории, после очередного поворота резкое дуновение воздуха затушило свечу, которую Эдвин нес в руке.

Он недовольно фыркнул, остановившись, и в то же мгновение почувствовал на своем плече ладонь Гвендилены.

– Тихо, – шепнула она.

Эдвин застыл. Откуда-то снизу лился едва заметный красноватый свет.

Они постояли с минуту, прислушиваясь. Никого и ничего.

Затаив дыхание и ступая на цыпочках, Эдвин спустился еще на несколько ступеней и выглянул за угол. Спуск кончился. Его взору открылся уходящий вдаль коридор, скудно освещенный железными светильниками, которые висели на стенах через каждые десять шагов. Эдвин махнул рукой, подзывая свою спутницу.

Коридор был узок и довольно высок; прямо под фонарями справа и слева в шербчатых стенах виднелись глубокие ниши, в которых стояли небольшие каменные ящики с письменами на боках. Эдвин замедлил шаг, пытаясь при дрожащем свете разобрать грубо вытесанные буквы.

– Что это? – прошептала Гвендилена, вцепившись в руку Эдвина.

– Имена, – сказал он. – В самом начале – Лейн, затем – Кербалл, потом Анлуан, Санрит и другие. После каждого написано – епископ.

– Ты умеешь читать? – Гвендилена потрясенно заглянула ему в глаза.

– Да, – сказал Эдвин, слегка улынувшись: ну что ж, хоть что-то он такое умеет, чего не умеет она.

– Ух ты, – с уважением в голосе произнесла девушка, – здорово.

Спустя мгновение добавила:

– Но зачем здесь написаны эти имена?

Эдвин пожал плечами.

– Не знаю. Сейчас посмотрим.

Навалившись всем телом, он толкнул крышку одного из ящиков. После небольшого сопротивления она поддалась, отодвинувшись в сторону с легким каменным скрежетом. Эдвин снял с крюка светильник и заглянул внутрь. Помедлив немного, поставил фонарь и, запустив в ящик руку, достал оттуда пригоршню серой пыли.

– Пепел, – задумчиво произнес он.

Гвендилена с ужасом уставилась на его ладонь.

– Они сжигают своих епископов?

Вздрогнув, Эдвин стряхнул пепел и судорожно принялся вытирать руку об штаны. Покойников сжигать нельзя – это закон, не человеческий, но божеский. Иначе души никогда не взлетят к вершинам *Гленкиддираха* и будут мучить своих родичей, являясь к ним по ночам. Все истинно верующие жители королевства Корнваллис, умершие достойно, должны быть похоронены в освященной земле, а кости их по истечении времени помещены в специальные склепы в церквях. Сжигают только еретиков и колдунов – вырождков, продавших себя *Вилу*, ведьм, превращающихся по ночам в суккубов с когтистыми ногами и перепончатыми крыльями, лисиц-оборотней, и *мар*, выпивающих души мужчин во время совокупления, но пепел, оставшийся от них, никогда не хоронят. Ибо он – зло, и может заразить даже при прикосновении, оставить внутри человека черное маслянистое пятно, которое будет пожирать изнутри, разрастаясь щупальцами, пока не погубит совсем. Вспомнив мать, Эдвин ощутил холодок в груди. Да, только колдуний и еретиков. А то, что случилось с его матерью – это была ошибка, никакая она не *мара*, и ее по распоряжению герцога Эдана похоронили в церкви.

– Не понимаю... – наконец выдавил из себя Эдвин.

– Пойдем, – сказала Гвендилена.

Он кивнул в ответ и заторопился. Действительно, кто знает, может Освен там наверху уже очухался и даже веревки развязал.

Коридор оказался не таким уж длинным, как показалось поначалу, просто дальний его конец поглощала темнота. Остановившись перед последним каменным ящиком – их оказалось около четырёх десятков – Эдвин снял с крюка светильник, внутри которого в плошке с воском плавал фитиль.

Через несколько шагов фонарь осветил дубовую обшитую железными полосами дверь, закрытую на засов.

Гвендилена дернула Эдвина за рукав.

– Я боюсь, – словно извиняясь, прошептала она, – плохое место. Неправильно это, что они со своими епископами такое сотворили. А дальше там что? Может, *гули*... или умертвия какие. Я слышала, они в пещерах водятся...

Чуть поколебавшись, Эдвин легко погладил ее по руке.

– Назад еще опаснее возвращаться. Тот послушник, Освен, первый на тебя укажет. А *гули* – ты хоть раз их видела? Люди нам сейчас страшнее.

Девушка слабо улыбнулась.

– Хорошо. Надо быстрее выбираться.

Эдвин поднял засов и решительно толкнул дверь. Сделав шаг, остановился на пороге, открыв рот. Беглецы оказались внутри круглой башни, напоминавшей гигантский, не меньше пятидесяти шагов в диаметре, колодец.

Они стояли под самым потолком, на небольшой площадке, от которой вправо и влево уходили узкие лестницы и, причудливо переплетаясь, кольцами спускались на пугающую глубину. От ступеней вверх тянулись сотни тонких витых колонн – прямых, изогнутых, раздваивающихся, – и стены башни напоминали каменное кружево, оплетавшее лестницы подобно паутине. А в самом низу, в центре покрытого цветными узорами пола зияло отверстие, которое время от времени выплевывало языки пламени, порождавшие жутковатые тени.

Стены башни были расписаны сотнями фресок – иногда маленьких, с ладонь размером, а иногда очень больших, в два человеческих роста, как будто все они создавались разными людьми и в разные времена, и постепенно заполнили собой все пространство. Чудовищные драконы, одно-, двух- и многоглавые, извергали огонь из разверстых пастей; безобразные твари с безглазыми и безносыми мордами, будто затянутыми синеватой кожей, широко раскрывали отвратительные рты с десятками мелких зубов; фиолетово-черные горгульи кружились, издавая почти слышимые крики; однорукие и одноногие *фоморы*, сверкая горящими глазами, выползали из пещер, а в центре каждой картины – люди в странных красно-коричневых одеяниях. С их рук срывались молнии, поражавшие уродливых монстров, языки пламени, заставлявшие чудовищ извиваться в предсмертных муках, но на место погибших, казалось, изо всех щелей появлялись новые, визжащие, рычащие и клацающие челюстями, снедаемые безумной жадной крови.

Но люди в красном не сдавались. А на груди каждого из них – Эдвин застыл на месте, едва поверив своим глазам, – виднелась как будто вышитая на сутане буква «f». Точно такого же вида и формы, что была выгравирована на рукояти отцовского меча.

– О боги... – пробормотала Гвендилена, – что это?

Эдвин взял ее за руку.

– Пойдем. Если отсюда есть выход, то он внизу.

Девушка согласно кивнула. Они торопливо двинулись вниз по лестнице, все более и более ускоряя шаг и поеживаясь от вида мерзких чудовищ, что окружали их со всех сторон. Заросли колонн мелькали перед глазами, а гул огня, вырывавшегося из отверстия внизу, достигал иногда такой немыслимой силы, что закладывало уши. Пот струйками стекал по их лицам.

– Не знаю, что это, – задыхаясь, проговорил Эдвин, – но это не похоже на подземный ход из монастыря.

– Вода! – невольно отозвалась Гвендилена, указав пальцем в сторону.

По всему периметру залы из отверстий в стене, устроенных через равные промежутки, текла живительная влага. Отверстий – довольно больших, толщиной с ногу человека – насчитывалось не меньше дюжины, и каждое из них представляло собой каменное изображение солнечного диска со змеевидными лучами, из центра которого через равные промежутки времени

низвергались потоки воды. По желобам в полу вода стекала в ту самую дыру, из которой вырывалось пламя.

Потоки обрушивались вниз, и на несколько мгновений пламя затихало. Затем словно кто-то невидимый закрывал заслонки, преграждая путь воде, и из дыры вновь вырывался столб огня. Вода, огонь, вода, огонь. Какое-то безумие, подумал Эдвин, вытирая мокрым лоб.

Прячась от нестерпимого жара за колоннами, они подбежали к ближайшему источнику, и с наслаждением подставили головы под прохладную струю.

– Уф – пробормотала Гвендилена. – Что дальше?

Эдвин пожал плечами и огляделся. Затем, не торопясь и стараясь держаться как можно ближе к стене, начал обходить залу.

– Книга... – произнес он изумленно. Между двух колонн на высоком пюпитре лежал раскрытый фолиант. В таком странном месте, среди огня и воды, Эдвин меньше всего ожидал увидеть нечто подобное.

– Что там? – спросила Гвен, заглядывая через его плечо.

Эдвин поднес светильник поближе. Страницы были исписаны непонятными ему буквами. Красными буквами. Поморщившись от дуновения горячего воздуха, донесшегося после очередного всполоха пламени, он пролистал несколько страниц. Только красные знаки, без орнаментов и рисунков.

– Не знаю. Это не наш язык. Пойдем.

Эдвин тронулся дальше, с каждым шагом все сильнее отчаиваясь. Перед ним была абсолютно глухая стена, если не считать отверстий, из которых время от времени изливались струи воды. Ни дверей, ни решеток. Похоже, отсюда действительно не было никакого выхода, кроме как наверх.

Пройдя треть пути, они вновь наткнулись на пюпитр. Таких же размеров фолиант, с подобными же письменами, но – Эдвин удивленно качнул головой – написанными синей краской.

– Смотри, – сказала Гвендилена, указывая вниз. Пол покрывала разноцветная изразцовая плитка, которая складывалась в причудливые узоры, но среди этих узоров явственно угадывались две прямые линии, сходящиеся углом у основания пюпитра. Одна из этих линий, очевидно, вела к тому месту, где они обнаружили первую книгу.

– Треугольник, – сказал Эдвин, – три угла, три подставки. Дальше, наверное, еще одна книга.

Третий пюпитр был пуст. Юноша мельком осмотрелся вокруг, но не обнаружил никаких следов фолианта. Ну и ладно, подумал он, но тут же остановился, пронзенный внезапно мелькнувшей в голове мыслью. Третьей книги нет, хотя вроде как она должна быть. Не той ли самой, из-за которой в монастыре поднялся весь этот переполох?

Эдвин помотал головой, отгоняя от себя бесполезные сейчас мысли. Совершенно все равно – эта книга, или другая. Тем более что он их даже прочитать не может. Главное – найти выход. Выход, которого нет.

Надежда таяла с каждой минутой. Еще несколько десятков шагов, и они вновь оказались в том месте, с которого начали обход залы.

– Ничего, – с отчаянием в голосе сказала Гвендилена.

– Да.

Эдвин еще раз подставил разгоряченную голову под поток воды.

– Что будем делать? – спросила девушка. – Назад?..

– Для начала – вот это, – хмуро ответил Эдвин и выдернул из стены железный факел. Их было здесь довольно много, но ни один не горел.

– Не могу уже, – буркнул он, – всю руку до крови стер.

Эдвин уселся на пол и принялся сбивать с руки кандалы. Эхо от ударов гулко разносилось по зале. После нескольких точных ударов замочек, скреплявший половинки оков, отлетел в сторону.

Покрутив кистью, Эдвин подставил израненную руку под отверстие в ожидании очередной струи. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннад...

Из дырки хлынула прохладная вода. Эдвин встрепенулся. Так, еще раз. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... Интересно. Медленно считаем до десяти – течет вода, а потом – вдох-выдох, и снизу вырывается столб пламени. И горит примерно столько же. Потом огонь затухает, и через пару мгновений вновь начинает течь вода.

Гвендилена все это время стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу и с интересом всматриваясь в шепчущие губы Эдвина. Почувствовав ее вопросительный взгляд, он вскинул голову.

– Мне нужна какая-нибудь тряпка, лицо обмотать.

Ни слова не говоря, она вытряхнула все из своего холщового мешка и протянула его Эдвину.

Юноша торопливо разорвал его, превратив в длинную полосу, затем, обернув вокруг головы так, что видны остались только глаза, засунул голову под воду.

– Стой здесь, – сказал он, поднявшись, – я должен кое-что посмотреть. Стой и не мешай. Поняла?

Гвендилена кивнула.

Эдвин взял в руки факел и повернулся лицом к отверстию в полу.

Столб пламени. Эдвин сосчитал до пяти и ринулся прямо к дыре. Гвендилена взвизгнула.

Эдвину как раз хватило времени добежать до края отверстия, когда огонь погас, и наступила темнота. Не медля ни секунды, он швырнул вниз факел. Едва успел услышать внизу всплеск, и в то же мгновение из стен хлынула вода. Поскальзываясь на мокром полу, Эдвин на четвереньках пополз обратно. Снова столб пламени.

Юноша привалился спиной к каменной стене и, тяжело дыша, принялся разматывать ткань с головы.

– Дурак! – возмущенно заявила Гвендилена, уперев руки в бока.

– Вода куда-то вытекает, – сказал он, слабо улынувшись, – ее слишком много. Если бы внизу не было хорошего стока, здесь бы все затопило. Значит, сток есть. Там что-то вроде колодца и, скорее всего, с заслонкой. Целое озеро воды выливается вниз, и заслонка открывается. Вода вытекает, и почти сразу из какого-то другого отверстия начинает бить огонь.

Гвендилена вытаращила глаза.

– Ты сумасшедший!

Эдвин пожал плечами.

– Наверное. Но это – выход.

– О, боги! – Девушка всплеснула руками. – Выход?! Ты о чем? Ушам не верю! Ты предлагаешь прыгнуть в эту дыру?! Утонем оба. Или, точнее – утонешь ты, потому что я туда не полезу. Это – безумие.

– Почему?

Гвендилена раздражилась.

– Да откуда ты знаешь, сколько времени придется быть под водой?! Откуда знаешь, какой там сток, если он вообще есть?! Застрянешь и утонешь. А стоит хоть на мгновение замешкаться – так сначала и сгоришь. Все едино.

– Ну так не надо мешкать, – с некоторым сомнением произнес Эдвин, – а сток не может быть маленьким, слишком много воды должно вытечь.

Гвендилена поджала губы.

– Эд, послушай меня. Что это все такое? – Она неопределенно обвела вокруг рукой. – Это не монастырь. Точнее, не монастырь наших богов. Здесь все неправильно: и пепел в ящи-

ках, и красные колдуны на стенах. А книги? Зачем они в таком месте? И эта вода... и огонь, который непонятно откуда берется. Ты думаешь, там внизу кто-то жжет большой костер? Это *не человеческий* огонь. То, что ты хочешь сделать – опасно. И, очень, очень глупо.

– Пожалуй, – согласился Эдвин, – но из двух глупостей я должен выбрать одну. Первая из них ждет меня наверху, и она очень похожа на виселицу. А вторая... кто знает? Уж не хуже, чем быть повешенным.

Девушка молчала. Эдвин мягко взял ее за руку.

– Гвен, послушай. У меня выбор невелик. Если вернусь обратно – мне точно несдобровать. А ты можешь сказать, что я тебя заставил. Могу проводить тебя до верха и там... ну, например, связать. В скриптории тебя быстро найдут. С женщины какой спрос? Тебя уж точно ни в краже книги, ни в убийстве Эльфина не подозревают.

– Сумасшествие какое-то, – растерянно выдохнула она.

– Да. Пойдем. Надо спешить.

Гвендилена нехотя поднялась и, опустив голову и о чем-то раздумывая, поплелась вслед за ним.

Лестница поднималась крутой спиралью. Надо спешить, вновь повторил про себя Эдвин, глянув вверх. Башня была очень высока, не меньше шестидесяти футов. Они побежали, перепрыгивая через ступени.

Вдруг Эдвин остановился и быстрым движением приложил палец к губам, призывая к молчанию. Несколько огоньков – два, три, нет, больше, много больше, мелькая меж колонн, двигались прямо навстречу им. Люди. Свет факелов то и дело выхватывал из темноты фигуры в казавшихся черными рясах.

– Поздно, – прошептал Эдвин. Руки его задрожали от волнения. – Слушай: в Элмаре у меня дядя. Кожевник, зовут Фитал. Как выберешься отсюда, иди туда. Я у него весточку оставлю, если... если доберусь...

Юноша торопливо пожал руку своей спутнице и ринулся вниз.

– Вот они!

Краем глаза Эдвин заметил, как огоньки зашевелились, закопошились подобно муравьям, и потекли быстрым ручейком. Топот чьих-то ног слышался прямо у него за спиной. Не оборачиваясь, стремительным прыжком Эдвин подскочил к дыре в полу в тот самый момент, когда столб пламени, лизнув его ноги последним языком, погас, погрузив башню в темноту. Десятки факелов кружились над ним, как рой светлячков. Вода хлынула из стен с оглушительным ревом.

Кто-то схватил его сзади за рубаху. Развернувшись, Эдвин почти наугад ударил кулаком по лицу преследователя и тут же, поскользнувшись, потерял равновесие и полетел вниз. От страха сердце как будто остановилось, а последний вдох застрял в груди, когда он погрузился в ледяную воду.

* * *

Бурлящий поток крутил и швырял его из стороны в сторону. Бил о стены, тряс и выворачивал наизнанку. Вода лезла в ноздри, а холод был такой, что у Эдвина почти сразу свело ногу.

Снова удар о стену, и пузырьки воздуха устремились изо рта. Он едва не вдохнул, сдержавшись лишь невероятным усилием. Темнота перед глазами поплыла тысячами разноцветных кругов, а ноги и руки судорожно забили по воде, пытаясь вытолкнуть тело наверх.

Свет, белый свет прямо перед ним. Не в силах более терпеть, Эдвин вдохнул – и отчаянно закашлялся. Легкие забили в спазмах, выталкивая из себя воду. Пещера кончилась. Хрипя и отплевываясь, Эдвин поплыл, потом пополз на четвереньках и упал, уткнувшись лицом в мелкую гальку. В горле дико саднило.

Его вырвало. Немного полежав, он перевернулся на спину и сел, преодолевая слабость.

У его ног плескалось озеро, дальний берег которого терялся в предрассветных сумерках, а прямо перед Эдвином, в сотне шагов, высилась отвесная скала, почти упираясь вершиной в начинающее светлеть небо. Где-то там, наверху, стоял монастырь.

Из леса донеслось пение проснувшейся зарянки, и ей тотчас откликнулся далеким щелканьем глухарь. Голова кружилась. Эдвин огляделся, пытаясь понять, где он находится. Небо над деревьями уже светлело, а это означало, что подземная река вынесла его к востоку от Сидмонской горы. И слава богам, не выкинула в какую-нибудь пропасть.

Эдвин присмотрелся. Деревня. Или нет – хижина. Одинокая хижина примерно в миле от него, кособоко примостившаяся на пологом склоне Срединных гор. Он почти счастливо вздохнул – и вновь закашлялся. Крыша, огонь, и возможность согреться и высушить одежду. Эдвин и не поверил бы раньше, что в разгар лета может быть настолько холодная вода. Его просто трясло, а зубы громко стучали друг о друга.

Кряхтя, он поднялся и на всякий случай подрыгал руками и ногами. Не считая нескольких ссадин и ушибов, все цело. Эдвин еще раз мельком осмотрелся. Пещера, из которой его выбросило в озеро, судя по всему, находилась ниже уровня воды, и догадаться о том, что там есть какой-то подземный источник, можно было только по время от времени волнующейся поверхности.

Эдвин наклонил голову, прищурившись. В пяти-шести десятках шагов от него прямо у берега волны раскачивали что-то темное. После недолгого колебания – идти-то надо в другую сторону, да еще пробираться между коряг и камней, – он все же решил взглянуть на непонятный предмет.

Взобравшись на очередной валун, Эдвин быстро понял, что это человек. Он тут же припомнил, что ударил кого-то прямо перед тем, как упасть вниз. Неужели преследователь свалился вслед за ним? Юноша мысленно чертыхнулся. Одежда вроде длинная. Если это монах, и если он жив... Проклятье.

Эдвин осторожно подошел поближе и вздрогнул от страшного предчувствия. Рыжие волосы.

Он рывком перевернул тело. Гвендилена. О, боги.

Девушка не дышала. Эдвин волоком вытащил ее на берег. Бледная и холодная, как лед. Негнуцимыми пальцами он разодрал на ней платье, приложив ухо к груди. Вроде бы да. Или нет? Черт, черт, черт.

Эдвин взвалил ее на ближайший валун животом вниз и с силой принялся надавливать на спину. Еще раз, еще и еще. Пот катился с него градом, а руки дрожали от напряжения. Не может быть. Да будь он проклят за эту свою тупую идею! Если бы не он, Гвендилена осталась бы жива. Он нажал еще раз и еще.

Девушка едва слышно вскрикнула, из ее рта хлынула вода, а тело нервно вздрогнуло. Эдвин едва не закричал от радости, мысленно возблагодарив всех богов. Один раз, наверное, лет пять назад, он видел, как его отец таким же способом вернул к жизни Кета Сирвина, даже после того, как тот долго пробыл под водой, а селяне, отчаявшись найти тело, принялись расхаживать по домам, удрученно качая головами. Сирвин сделался после этого первым другом их семьи; он и его жена с радостью оказывали им любые мелкие услуги, в том числе подолгу присматривали за маленькой Айб, когда Эдвин с отцом отлучались из дома по разным делам.

Дышит... или не дышит. Не поймешь. Эдвин осторожно положил девушку на землю. Зажал ей нос и, с силой прижавшись к губам, вдохнул ей воздух в рот. Она кашлянула, выплюнув прямо ему в лицо остатки воды. Эдвин счастливо засмеялся. Так, что дальше? Она была холодна, как русалка.

Убедившись еще раз, что Гвендилена дышит, он взвалил ее себе на плечо и на подкашивающихся ногах побежал в сторону хижины. Хижина оказалась брошенной, а дверь наспех заколочена снаружи. Он выбил дверь ногой.

Юноша осторожно положил драгоценную ношу на соломенный тюфяк в углу комнаты и огляделся. Дом, видимо, принадлежал какому-то охотнику. Земляной пол беспорядочно устилали облезлые медвежьи шкуры, а на столе валялся старый лук без тетивы. Кроме стола и единственного табурета, никакой мебели здесь не имелось и, судя по слою пыли и дырам, зияющим в соломенной крыше, хижину покинули уже достаточно давно, скорее всего, из-за войны.

Порывшись по захламленным углам, Эдвин с радостью обнаружил старое, наполовину стершееся кресало. Дом топился по-черному, а для приготовления пищи служил небольшой каменный очаг, устроенный прямо посередине комнаты. Разведя огонь – слава богам, здесь имелся небольшой запас сухого хвороста – он повернулся к лежащей без сознания девушке.

Немного помешкал, кусая губу. Надеюсь, подумал Эдвин, он не заработает за это что-нибудь вроде пощечины. С некоторым трудом он стянул с нее насквозь промокшее платье и приладил его сушиться поближе к очагу. Для начала положил девушку на живот и принялся растирать найденным здесь же куском холстины. Гвендилена хрипло дышала, а он без устали тер ей спину, ноги, живот, плечи и руки. Юноша уже дрожал от усталости, когда вдруг она, тихонько застонав, открыла глаза.

– Эд, – пробормотала она, – я думала, я умерла.

– Нет. – Он без сил уселся на пол, счастливо улыбаясь. – Все хорошо.

Гвендилена еле заметно качнула головой, глядя на полыхающий огонь.

– Я посплю. Только... холодно.

Эдвин кивнул и, вскочив на ноги, принялся разбирать ворох старых шкур, сваленных в углу. Найдя одну достаточно приличную, он бережно укрыл девушку. Та слабо улыбнулась.

– Спасибо. Ложись рядом.

Эдвин открыл рот.

– Я... ничего... я возле огня...

Гвендилена едва слышно фыркнула.

– Смешной. Тебе самому нужно согреться.

– Да я уж и так...

– Ложись.

Закусив губу, Эдвин отошел в самый темный угол комнаты и, отчаянно путаясь в завязках, скинул с себя все еще мокрую одежду. Затем осторожно забрался под шкуру, отодвинувшись как можно дальше. Гвендилена – его не оставляло смутное ощущение, что она улыбается – поерзала на тюфяке и прижалась к нему спиной. Эдвин застыл, боясь пошевелиться. Пошарив позади себя, она нашла его руку и положила себе на грудь, зажав ладонью.

– Вот так хорошо, – прошептала она. – Спокойной ночи.

Мысли вихрем кружились в его голове.

Выждав еще немного (Гвендилена заснула почти сразу), Эдвин осторожно выдернул свою руку, которую она никак не хотела отпускать, и поднялся, дрожа всем телом от тысячи чувств. Еле дыша, чтобы не разбудить, он накрыл ее еще парой шкур, а потом улегся на пол возле очага и долго не засыпал, глядя в мерцающие красным светом угли.

Глава 5. Плохое слово

Эдвин открыл глаза.

Гвендилена сидела вполоборота к нему. Она устроилась на тюфяке, скрестив ноги, и держала перед собой на вытянутых руках разорванное чуть не до пояса платье. Солнечные лучи, пробиваясь через многочисленные щели, яркими зайчиками плясали на полу.

Эдвин тихонько кашлянул. Девушка глянула на него через плечо, забавно нахмутив брови.

– Ну и натворил ты делов, – укоризненно сказала она. – И в чем, скажи на милость, я должна дальше идти?

Эдвин виновато пожал плечами.

– Я испугался, – пробормотал он, – очень испугался. Ты совсем не дышала, а платье было такое мокрое. Не было времени возиться.

Гвендилена неожиданно улыбнулась. Бросив платье на пол, она повернулась к Эдвину, встала на колени и, наклонившись, поцеловала его в щеку. Грудь у нее была чудесная: округлые упругие холмики с аккуратными перламутрово-розовыми сосками, а удивительно тонкая талия плавно переходила в соблазнительные линии бедер.

Эдвин смущенно отвел глаза в сторону.

Гвендилена внимательно и как будто задумчиво на него смотрела, наматывая на палец прядь волос.

– Ты – девственник, – полуутвердительно сказала она.

Эдвин нахмурился.

– О... – Ее брови слегка приподнялись. – Извини. Я не должна...

Она встала и, немного отойдя в сторонку, принялась натягивать на себя платье. Эдвин помолчал с минуту, упрямо глядя в стену. Стена была сплетена из прутьев, обмазанных глиной, и узоры на ней можно было бы изучать целый день.

– Видишь ли, – сказал он тихо, – мы уже давно с отцом в деревне не жили. Я там нечасто появлялся. Последние два года вся семья на мне держалась.

Гвендилена вновь опустила на пол рядом с ним, придерживая прореху на груди. Другой рукой она ласково потрепала Эдвина по голове и улыбнулась.

– Не расстраивайся. Всею свое время. – И, звонко рассмеявшись, вскочила на ноги. – Правда, смешной. Ладно. Я выйду, а ты собирайся. Уж полдня прошло. И я есть хочу.

Она вышла, мимоходом обернувшись и сверкнув искорками глаз.

Н-да... опростоволосился, хмуро подумал Эдвин, натягивая штаны. Вот его дружок Рибе, например, такого бы случая не упустил.

В южных землях королевства Корнваллис стыдливость никогда не относилась к числу особо почитаемых добродетелей. Все, что касалось отношений мужчины и женщины, было просто, понятно, естественно и не скрывалось за завесой тайны. Это был дар роду человеческому от Белара, бога Тьмы, но одновременно и ночи, покровителя плотских утех и, как следствие – хранителя домашнего очага.

Во время посевной взрослые любили друг друга прямо на полях и в огородах, свято веря, что тем самым призывают благословение духов земли. Молодежь нагишом плескалась вместе в речке, с удовольствием затевала всякие игры, которые заканчивались тем, что время от времени разные парочки, тихонько улизнув, начинали обниматься за ближайшими кустами.

Один раз, еще в детстве, Эдвин стал свидетелем того, как в соседнем Киврене – большой деревне милях в пятнадцати к западу от Талейна, – старейшины гоняли по полю стайку обнаженных девушек – тех, у которых уже случилась первая кровь. Вообще-то, прочим представителям мужского пола присутствовать во время этого действия не полагалось, и Эдвин в

компании местных мальчишек прятался за пригорком, глядя во все глаза и с интересом прислушиваясь к доносившимся до них словам. Старейшины внимательно посматривали на бегущих туда-сюда девиц и шамкали беззубыми ртами: ежели не трясется ничего, то зелена еще. Вот эти три созрели, говорили они, согласно кивая друг другу, а остальные пусть следующего года ждут, рано им еще мужей себе искать.

А сваты нередко с сомнением качали головами, узнав, что предполагаемая невеста девственна. Все ли с ней в порядке, с дотошностью вопрошали они родителей, здорова ли, нет ли какого скрытого изъяна, и отчего ж так случилось, что мужской пол до сих пор обходил ее стороной?

Вот Гвендилена – уж точно без изъяна, подумал Эдвин. Фигурка такая точеная, как будто и не крестьянка вовсе. И, даже если действительно нет и никогда не существовало никаких богов, кроме этих новых, Аира с его братьями-сыновьями, о чем толкуют монахи, то все равно, наверное, сама Боанн, прекрасная супруга древнего Отца Всего Сущего и исполнительница женских желаний, слепила ее по своему образу и подобию.

Тут Эдвин вспомнил, что он, собственно, ничего о ней не знает, кроме того, что ее отец женился вторично на какой-то женщине со своими двумя дочками. Каким образом, интересно, в затеряншемся в лесной глуши Брислене на свет появилось такое совершенное существо? Гвендилена была темненькая, как и большинство южанок, но здешний народ в основном крепок и широк в кости, а девушки быстро выросли и тяжелели, превращаясь в этаких матрон. Гвен же была на полголовы выше многих из своих сверстниц, стройная, словно статуэтка, выточенная из слоновой кости, с тонкими чертами лица, шелковистой кожей, так контрастирующей с медного цвета шевелюрой, и зелеными глазами, которые не часто здесь встретишь. Интересно расспросить ее о матери – кто она, из каких краев?

Неудивительно, что такую красавицу взяли замуж почти без приданого, решил Эдвин, и вдруг подумал о том, что Трир, муж ее – кто знает? – может быть, и жив, а это значит, что Гвендилена замужем до сих пор. Эдвин почувствовал укол ревности, снова на себя разозлившись.

Одевшись, он толкнул дверь.

День был в самом разгаре, и солнечный диск уже пересек середину небосклона. Вокруг, насколько хватало взгляда, расстился густой лес с редкими прогалинами. Дубы, грабы и буки покрывали Срединные горы ярким зеленым ковром.

С лужайки перед хижиной открывался живописный вид на Сидмон – так, во всяком случае, предполагал Эдвин, хотя с восточной стороны этой горы он никогда не бывал, а самого монастыря за высоченными пиками видно не было. Оглядевшись по сторонам, он несколько успокоился на предмет возможной погони: размышления об этом, вперемежку с сумбурными мыслями о Гвендилене, долго не давали ему заснуть. Горный хребет тянулся от Сидмона далеко на запад и, по меньшей мере, миль на пятнадцать к северу, теряясь в лесах, так что преследователям пришлось бы сделать преизрядный крюк. И это при условии, что они знают, куда именно впадает подземная река. И еще – Эдвин мысленно усмехнулся – если они знают, что у упавшего в этот бурный поток есть шанс выжить. Вряд ли уж кто пробовал. Так что вероятность того, что кому-то придет в голову отправиться в погоню за двумя молодыми людьми, которые, скорее всего, погибли, ему казалась очень маленькой.

Слава богам, лес их окружал самый обычный, и это Эдвина тоже успокоило. Хотя, с другой стороны, он никогда не видел *темного* леса и имел весьма смутное представление о том, как тот выглядит. Давным-давно мать рассказывала ему о чащах, которые на первый взгляд казались совершенно обыкновенными, с зарослями и поваленными деревьями, но на самом деле были *живыми*. Не так, как обычный лес, а по-своему, как огромные животные. Они ходили с места на место, засыпали и просыпались, урчали, раскачивали ветвями и охотились на случайных путников. И в их ветвях тоже что-то жило, а в глубинах обитали страшные существа,

сделанные из темноты. И перед мысленным взором Эдвина почему-то всегда вставали шевелящиеся корни и красные глаза, смотрящие с корявых стволов.

Отец Эдвина не одобрял эти рассказы – полкорольства исходил, говорил он, а ни разу никаких *темных* лесов не встречал, – но Эдвин матери верил. Особенно после того, как в книжке Тэлисина-Скоророда встретил упоминание о дремучих чащах где-то на юге Корнвал-лиса, которые люди старались обходить стороной.

– Эд! Иди сюда. – Голос, раздавшийся чуть сзади от хижины, заставил его обернуться.

Гвендилена была там. Стоя на коленях, она рвала сочные ягоды земляники и тут же отправляла их в рот.

– Завтрак! – объявила девушка, улыбаясь. – Иди сюда. Здесь больше нет ничего.

Она уже успела найти где-то кусочек веревки и закрепить прореху на платье неким подобием шнуровки.

Под ложечкой у Эдвина засосало. Он сжевал пару красных ягод и задумался.

– Пожалуй, для меня маловато будет, – сказал он, – я позавчера вечером последний раз ел. Вот что: жди меня здесь... или, если хочешь, пойдем вместе.

– Куда? – поинтересовалась Гвендилена.

– К озеру.

В ответ на ее вопросительный взгляд он объяснил, что здесь наверняка есть, к примеру, зайцы и белки, но силки приготовить им не из чего, к тому же такая охота может затянуться до вечера, а то и дольше. Можно и пращей, конечно, зверя набить, но в любом случае рыбу поймать намного быстрее и легче.

Девушка немедленно загорелась этой идеей. Шла, не отставая от Эдвина, и с удивленно распахнутыми глазами внимала его рассказам о том, как можно добыть рыбу голыми руками.

– Рыба есть там, где на берегу растут деревья, а их корни уходят в воду, – говорил Эдвин. Он почему-то очень радовался ее изумлению, – ну, или возле кустарника, который нависает. Она среди веток и коряг прячется. А если есть ивы, то плотва это дерево очень любит...

Эдвин без особого труда поймал штук пять. Он осторожно нащупывал рыб руками, стараясь не напугать их, и хватал за морду, одновременно зажимая хвост большим и указательным пальцами.

Гвендилена сидела на берегу, наблюдала за ним, открыв рот от напряженного внимания и в конце концов захотела попробовать сама. Дело закончилось тем, что она, поскользнувшись, шлепнулась в воду, подняв целый каскад брызг, а когда Эдвин кинулся ее поднимать, повалила и его, весело хохоча.

Рыбу они готовили в хижине, сбросив мокрую одежду и завернувшись в шкуры, а затем с аппетитом съели все без остатка. Время уже клонило к вечеру, и в восточной части небосклона, еще довольно светлом, уже скоро должны были зажечься огоньки звезд. Сегодня они решили никуда не идти, а хорошенько отдохнуть, посвятив время блаженному ничегонеделанию.

Они сидели, глядя в огонь, и разговаривали обо всем и ни о чем.

Эдвин рассказывал ей об отце, о том, как умерла Эгвейн, его мать, о своей маленькой забавной сестричке Айб, которая спрашивала: «Ты любис меня, Эдвин?», а получив утвердительный ответ, засыпала у него на груди, сладко причмокивая и бормоча: «Эдвин холосый...»; о премудростях охоты; о смешных выходках его друга Риббе; о его путешествиях в Элгмар – большой город с высокими и красивыми домами; наконец, о том, что он прочитал в той единственной книге, что когда-то хранилась в их доме. Гвендилена была очень благодарной слушательницей: она смеялась и ужасалась, гневно хмурила брови и удивленно раскрывала глаза, в которых светился жадный интерес до всего, что она еще не успела узнать об этом мире.

Уже было за полночь, когда Эдвин, помня о том, что тема семьи для Гвендилены не самая приятная, решился спросить о ее матери.

– Не знаю, – сказала Гвендилена, пожав плечами, – она умерла, когда мне только три годика минуло. Отец рассказывал немного. О том, что родом она не отсюда, а из далеких краев. Какая она была умная и необыкновенно красивая. И еще о том, – девушка едва заметно улыбнулась, – что я очень на нее похожа. Говорил, как две капли воды.

Они немного помолчали.

Созвездие Анеррильон с его девятью сверкающими точками висело прямо над хижиной, заглядывая внутрь через прорехи в соломенной крыше. Оно было самым ярким и самым красивым: белые мерцающие огни, расположившиеся в причудливом порядке, вместе с мириадами мельчайших блесков звездной пыли удивительным образом складывались в некое подобие гигантской лошади.

Эдвин нерешительно дотронулся до ее волос.

– Наверное, пора спать, – смутившись, самому себе сказал он, – завтра нам лучше встать пораньше.

Гвендилена не ответила. Она сидела на тюфяке, притянув колени руками.

– Эд, – вдруг спросила она, – а помнишь, я как-то сказала, что заметила тебя еще в Талейне? И ты спросил, почему?

– Да. – Он немного смехался.

– Теперь я могу сказать, почему. – Девушка задумалась на несколько мгновений, глядя на тлеющие угли. – Тогда мне пришло в голову, что я была бы совсем не против, если бы на месте Трира вдруг оказался ты.

Не зная, что ответить, он промолчал.

– А сейчас, – тихо продолжила Гвендилена, – я в этом уверена.

– Да?.. – выдохнул Эдвин.

Девушка медленно повернула к нему голову.

– Да, – просто сказала она. В отблесках костра Эдвин увидел, а точнее, почувствовал, как дрогнули ее длинные ресницы. Она легко повела плечами, и шкура упала к ее ногам. – Обними меня.

* * *

Они шли, взявшись за руки.

Где-то там, на востоке, проходил Северный тракт – как рассказывали, широкая и оживленная дорога с множеством городов и деревень. И, если идти по ней дальше, то она напрямую выводила к столице королевства – Лонденбургу. О том, куда идти, Эдвин имел только самое общее представление, но если учесть, что Северный тракт пересекал весь Корнваллис, то миновать его невозможно. Сколько времени займет дорога, Эдвин тоже не знал.

По здравому размышлению он отказался от первоначального плана идти в Талейн, а потом в Крид – выяснить судьбу отца и сестры. Во-первых, в тех краях еще шла война, а во-вторых, если его семью действительно увезли в какой-нибудь укрепленный замок, то сейчас ей ничего не угрожает. Если же не увезли, то... Эдвину не хотелось даже думать об этом.

И главное: местность между Талейном и Сидмонским монастырем была обжитой. С многочисленными дорогами, лесными тропками и гарнизонами в деревянных башнях. А это означало, что для Эдвина с Гвендиленой сейчас нет более опасного места, чем владения его Высочества герцога Беркли.

Хижина, в которой они провели ночь, стояла на склоне невысокого горного хребта, тянувшегося с юга на север. Недолго подумав, Эдвин решил, что где-то здесь обязательно должна быть дорога, которая бы связывала герцогство Беркли с восточными землями. Выйдя из хижины, они пошли на юг (склоны там показались им не такими крутыми), и в скором вре-

мени действительно обнаружили ту самую тропу. Наверняка имелись и другие, но эта Эдвина вполне устроила, поскольку, петляя по лесу, определенно вела в восточном направлении.

Шли, улыбались и болтали обо всем, время от времени останавливаясь, чтобы сорвать уже редкую здесь землянику. Яблоки, часто попадавшиеся им на пути, были еще мелкими и кислыми. Чем дальше на восток, тем горы, и без того невысокие, мельчали и старели, переходя в пологие холмы, а лес становился все ниже и реже, перемежаясь с зарослями жимолости, крушины и шиповника. Солнце жарило всюю с безоблачного неба.

– Как красиво! – всплеснув руками, сказала Гвендилена, когда они оказались на вершине очередного холма.

Перед ними расстилалась долина с сочной изумрудного цвета травой, среди которой несла свои воды река. Осиное гуденье висело в воздухе, а под ногами, шурша, то и дело пробегали маленькие ящерицы.

Чуть левее, вверх по течению, виднелся мост. Каменный, с доброй дюжиной арок; судя по бурлящей воде, река в этом месте была не особенно глубокой, а течение – быстрым. А на том берегу, милях в двух, посреди виноградников стояли, утопая в зелени, полтора десятка домиков. Заходящее солнце слепило, отражаясь от беленых стен.

– Ты знаешь, что это за деревня? – спросила Гвен.

Эдвин покачал головой.

– Нет. Но это неважно. Кажется, по эту сторону гор – я даже не уверен, что это Срединные горы, – уже не владения Беркли. Отец рассказывал мне. Это то ли графство Хартворд, то ли Деверо. А может, Клеймор.

– Ты знаешь всех господ? – изумилась девушка.

– Честно говоря, слышал только об этих, – улыбнулся Эдвин, – и то потому, что они к нам ближе всего. Но где какое из графств, не представляю. Главное, что в этой деревне можно будет раздобыть еду. Поработаю немножко, свиначник кому-нибудь почищу, или что еще. Может, и другим платьем тебе разживемся.

Гвендилена фыркнула.

– А я думала, тебе это нравится.

– Ну... да, – нерешительно протянул Эдвин.

– Оно снимается легко, – пояснила Гвендилена.

Эдвин расхохотался.

Они вместе побежали вниз по холму, с удовольствием вдыхая запах прохлады, доносившийся с реки. Добежав до воды, пошли по берегу. С этой стороны он был обрывист, а на той, почти у моста, виднелось что-то вроде пристани, возле которой качались на волнах несколько лодок.

Перед мостом Эдвин замедлил шаг.

Мост был очень старый. Сложенный из огромных валунов, с обвалившимися краями и всего в пару шагов шириной. Его дальний конец терялся в кустах и зарослях орешника.

– Что?.. – спросила Гвендилена.

– Не знаю. – Он задумчиво покусал губу. – Нет никого.

Она застыла в ожидании.

– Вот что, – сказал Эдвин, – надо бы сначала разведать, что там такое.

Гвендилена вдруг схватила его за рукав.

– Смотри! – выдохнула она, указывая пальцем вниз.

Прямо под ними в уютной лодчонке, уткнувшейся носом в берег, лежал на спине человек. Он прикрыл лицо рукой и как будто спал.

Оглядевшись вокруг, Эдвин склонился над обрывом.

– Эй! – тихонько позвал он. Человек не пошевелился. Эдвин коротко глянул на свою спутницу.

– Подожди меня здесь. Я посмотрю, что с ним, и быстро вернусь.

Гвендилена хмыкнула.

– Помнится, ты уже один раз сказал мне это самое «подожди», а потом ринулся в дыру. И в результате я чуть не утонула. Плохое слово. Пойдем вместе.

Эдвин обнял ее и нежно поцеловал.

– По-до-жди, – строгим голосом повторил он.

Гвендилена забавно нахмурила лоб. Помолчала мгновение, потом вдруг встала на цыпочки и поцеловала его в ответ.

– Хо-ро-шо, – улыбнулась она.

Держась за пучки травы и корни деревьев, Эдвин принялся спускаться вниз. Обрыв был крут и каменист. Похоже, подумал он, река здесь сильно разливается по весне. И тут же сорвался, шлепнувшись прямо в воду.

Здесь оказалось неожиданно глубоко, почти по пояс. Отплевываясь и с трудом удерживая равновесие на скользких камнях, Эдвин подобрался к лодке.

– Эй, – еще раз позвал он.

Ноги у человека были неестественно вывернуты, как будто он упал сверху. Эдвин тихонько потряс его за плечо. Рука, которой тот закрывал лицо, безжизненно упала; в его шее, глубоко уйдя внутрь, торчало древко арбалетного болта.

Эдвин нервно сжал зубы. Рана совсем свежая.

И тут же сверху раздался истошный вопль Гвендилены. Крики и топот сапог.

Эдвин ринулся по склону, тяжело дыша и цепляясь за землю скрюченными пальцами. На мосту мелькали человеческие фигуры; солнечные лучи отражались от металлических блях, нашитых на солдатские колеты.

Гвендилена визжала. Ее схватили и, громко хохоча, потащили в сторону деревни.

– Стойте! – прохрипел Эдвин, ухватившись за край обрыва. Чей-то сапог вдавил его руку в землю.

– Ишь ты, – голос сверху был сипловат и спокоен. – Никак, женишок?..

Эдвин поднял голову и в то же мгновение ощутил дикую боль в плече. В глазах помутилось, и он стремительно полетел вниз.

* * *

Ее повалили на траву, в одно мгновение разорвав платье. Сразу несколько рук вцепились в нее, тиская грудь, лапая за ягоды. Тяжело дыша, Гвендилена извивалась и брыкалась, но силы оказались слишком неравными. Кто-то схватил ее за руки, вжал голову в землю и, пахнув вонючим дыханием, принялся слюнявить губы. Гвендилена впиалась в него зубами. Солдат охнул от боли и наотмашь ударил ее по лицу.

– Сучка! – заорал он, отплевываясь и путаясь в завязках штанов. – Руки, ноги ей держите! Сейчас получишь, тварь!

Гвендилена с ненавистью глядела на него, не переставая изворачиваться. На нее набросились сразу человек пять, пригвоздив руки к земле и раздвинув ноги так широко, что она захрипела от боли. Вырвала ногу и ударила одного из них в живот. Вокруг захохотали.

– Да чего трепыхаешься, дура!

Челюсть солдата дрожала от возбуждения, заставляя трястись жиденькую светло-рыжую бороденку; из уголка его рта текла кровь. Он навалился на нее, вцепившись в грудь, царапая ее обломанными ногтями. Гвендилена взвизгнула и неистово задергалась.

– Сука! – завопил солдат. У него никак не получалось.

Гвендилена плюнула ему в лицо.

– Эй, эй, – раздался хриплый голос, на мгновение перекрыв царящий вокруг гвалт, – Инбер, отвали!

Солдат с рыжей бородашкой, не оставляя своих попыток, мельком глянул в сторону.

– Чего так?

– Отвали, говорю...

Произнесший эти слова схватил Инбера за шиворот и стащил с Гвендилены. Тот зарычал от злости, сделав такое движение, как будто хотел выхватить меч. Меча у него на поясе не оказалось, а сам он, запутавшись в спущенных штанах, повалился на землю. Вокруг заржали.

– Она моя! – яростно заявил Инбер, брызгая слюной и безуспешно пытаясь подняться, – я ее нашел!

– Успокойся. – Человек, дернувший его за ворот, стоял, засунув большие пальцы рук за поясной ремень. Он был невысокого роста, но очень широк в плечах. На его груди, на кожаном колете красовалась большая металлическая бляха с изображением медведя с суковатой палкой. Через все лицо наискось шел багрового цвета рубец.

– Чего?! – взвизгнул Инбер.

– К его светлости отвезем. Хороший подарок. Красотка. – Человек со шрамом взглянул на Гвендилену, мимоходом скосив глаза на ее широко раздвинутые ноги. – Да и, похоже, нерожавшая к тому же.

Гвендилена вздрогнула, внезапно осознав, что ее уже не держат, и уселась на земле, сжавшись и обхватив колени.

– Да этого добра в Килгерране, как грязи, – рявкнул Инбер. Ему все же удалось подняться. Скрюченные пальцы, которыми он поддерживал свои штаны, подрагивали.

Глаз меченого сверкнул огнем.

– Хочешь поспорить?! Я сказал – отвезем.

Притихшие было солдаты заворчали.

– Не по справедливости это, Модрон, – сказал кто-то из них. – Ты – сотник, тебе решать, но он правда первый девку нашел. Имеет право.

– Да, да, имеет...

– Тихо, – спокойно произнес Модрон. – Вы чего хотите его милости привезти? Две недели сюда на юг топали, а тут уже места живого нет. Что – десяток овец да пару горстей серебра? А его милость рыженьких любит. У нас там сивые одни, надоели ему хуже горькой редьки, а эта – вон какая вишенка. Хоть она – и то дело.

– Она – моя! – как-то неубедительно крикнул Инбер. – Это – обычай!

Модрон пожал плечами.

– Ну, может, и обычай. Но ежели эта рыжая господину приглянется, да потом ляпнет что-нибудь про тебя – известно же, что у баб что на уме, то на языке, – то как он отнесется к тому, что ты поимел ее по полной, перед тем, как его Высочеству подарить?

Солдаты зафыркали, переглядываясь.

– Верно сотник говорит, верно, – подал голос один из наемников. Все его лицо покрывали татуировки.

– То-то и оно, – кивнул Модрон, – ты, Инбер, другую дырку себе поищи.

– Да откуда тут?... – снова взвизгнул Инбер. – Всех путевых по замкам попрятали... старухи одни, да мокрые курицы...

Меченый усмехнулся.

– Зато эта сухая... видать, не по нраву ты ей.

Вокруг раздался смех.

– Точно-точно...

– А как она Тэдригу в глаз залепила...

– А у Инбера-то пол-языка нет уже, поди...

– Да, не умеет он с бабами обращаться...

– Куда ему... думает, как кочерыжку свою достанет, все девки в округе мокнуть начинают...

– Заткнитесь, вы! – рявкнул Инбер, вызвав еще больший хохот.

Модрон, еле заметно улыбаясь, поднял руку.

– Все, хватит. Собираемся и уходим. Арн, подойди.

Солдаты, посмеиваясь, принялись разбредаться. К Модрону подошел один из них, уже в летах и с длинными седыми усами, свешивавшимися по обе стороны рта. Усы были заплетены в косички, в которых забавно позванивали крохотные колокольчики, череп гладко выбрит, а прямо из затылка наподобие конского хвоста торчал длинный пук волос.

– Арн, возьми ее да на речку своди. Пусть помоеется хорошенько, а то загадили всю девку.

– Может, помоложе кого, – проворчал Арн, коротко глянув на Гвендилену, – удерет еще. Вон какая резвая.

– Чушь, – пожал плечами Модрон, – веревку на шею привяжи. Да, и потом найди ей поесть что-нибудь, и тряпку какую – прикрыться.

Арн кивнул и подошел к Гвендилене, дав солдатам знак отпустить ее. Сам крепко взял за руку и помог подняться. Девушка хрипло дышала, вздрагивая всем телом, слезы ручьями текли по щекам.

– Успокойся, кроха, – тихо сказал Арн, – все уже. Никто тебя не тронет.

В то же мгновение откуда-то сбоку к ним подскочил Инбер, с ненавистью заглянув Гвендилене в лицо.

– Шлюха, – прошипел он, – я с тобой еще поквитаюсь...

Она отшатнулась. С быстротой молнии – Гвен даже не поняла, как – Арн выхватил кинжал, уткнув тонкое лезвие в горло Инберу.

– Ты не слышал? Сказано же было – отвали.

Инбер оскалился, показав гнилые зубы.

– Ладно, – прохрипел он, – потом поболтаем.

Арн безразлично кивнул. Инбер, вытерев выступившую на шее капельку крови, вразвалку пошел прочь.

Глава 6. Тёмный лес

Прямо над головой, выбиваясь из-под длинных сучковатых хворостин, из крыши торчали пучки соломы, черноватой и, судя по кислому запаху, слегка подгнившей. Эдвин повернул голову и тут же закашлялся, ощутив в груди ноющую боль.

Хижина была кривая, с плетеными стенами, кое-как замазанными глиной, и очагом, над которым висел котелок. Очаг был устроен на полу прямо в середине комнаты – обложенный камнями и жутко чадающий, он отбрасывал на стены красноватые отблески.

– Очнулся, милоч...

Что-то темное, чего Эдвин поначалу и не заметил, повернулось в его сторону, обратившись в старуху с крючковатым носом и распущенными седыми волосами. Прямо как ведьма из детских сказок, промелькнуло у него в голове.

– Гве... – Голос его не слушался. Вместо «Гвен» из горла вырвался какой-то глухой хрип. Эдвин опять зашелся в кашле.

Старуха понимающе кивнула и поворотилась к дощатому столу, заставленному кувшинами и бутылками всех размеров.

– Пей. – Она поднесла к его губам глиняную плошку.

Эдвин сделал пару глотков и попробовал приподняться на руках. Не получилось. Руки и ноги он чувствовал, но от слабости кружилась голова. Струйка горьковатой на вкус воды стекла по его подбородку.

– Гвендилена... – просипел он.

Бабка внимательно на него посмотрела.

– Никак, подружку потерял?

– Гвендилена... девушка. Не видели?

Старуха пожала плечами и, повернувшись к очагу, помешала в котелке.

– Нет. Один ты был. К берегу тебя прибило. И аккурат в том месте, где я сидела. – Она взглянула на него через плечо. – Радуйся, парень. Еще б чуть-чуть – и свиделся бы с *Матолухом*. Я уж как видела, что он к тебе свои лапы когтистые тянет, да чешуей посверкивает.

– Что со мной?

Старуха пошарила на столе.

– Вот. – Она потрясла зажатой в кулаке арбалетной стрелой. – Она, красавица. Хорошо, что в ключицу. Чуть бы ниже – и все.

Эдвин вновь сделал слабую попытку подняться. Перед глазами мутилось.

– Я должен...

– Ничего ты не должен. – Бабка хмыкнула, продолжая помешивать в котелке. – Спи давай. Зелье я тебе дала, скоро будешь, как новый. Уж и то хорошо, что очнулся. Поешь, отдохнешь, а там...

Ее голос затихал в голове Эдвина, звуки наползали друг на друга, булькая и обращаясь в невнятный шепот. Журчание воды, усиливаясь до дикого грохота, закладывало уши, он раз за разом втыкал нож в спину Эльфина, а тот, не обращая на это никакого внимания, сидел на ступеньке лестницы, ведущей в верхний двор, и что-то мягко и терпеливо втолковывал Эдвину. Гвендилена лежала, закинув руки за голову, и смотрела на него из-под полупущенных ресниц, а губы ее приоткрывались в ожидании поцелуя.

– Милоч... милоч, – шептала она, а когда он наклонялся к ней, ее нос становился крючковатым, а разметавшиеся волосы обращались в седые космы. – Просыпайся. Время... – старческим голосом прошамкала Гвендилена. Эдвин вздрогнул: заглядывая в глаза, над ним нависало лицо бабки. – Вот и славно, – сказала она, – подымайся. Нельзя *кришинок* упускать.

В хижине царил полумрак. Если утро, то почему темно?

Похоже, он сказал это вслух. Старуха усмехнулась.

– Не ночь нынче. Вечер. Ты ночь проспал, и день до кучи. Но сейчас уж нет больше времени спать. Поторапливаться надо. Вставай.

Юноша кивнул и сделал слабую попытку подняться. Охнул от боли и повалился на спину. Грудь болела так, как будто в лесу на него упало дерево.

Старуха недовольно фыркнула и, пошарив у пояса, что-то протянула Эдвину, ткнув пальцами прямо ему в рот.

– Вот. Прожуй и проглоти. Ты должен встать. Иначе на всю жизнь калекой останешься. Будешь ходить согбенный, да кровью харкать, пока Вил тебя не заберет.

Эдвин послушно принялся жевать. Это походило на листья какого-то растения, сладковатые и горькие одновременно. Боль отступила почти сразу же, а в теле появилась невероятная легкость. Эдвин вздохнул полной грудью, лишь на мгновение ощутив слабый укол где-то внутри.

– Чудесно, спасибо вам, – сказал он, с удивлением услышав странный набор звуков, что вырвались изо рта. Язык шевелился с трудом, спотыкаясь о зубы.

Эдвин легко поднялся и тут же упал, уткнувшись носом в утоптаный земляной пол. Боли не чувствовалось, но руки и ноги вели себя так, как в то памятное ему утро после Аонгусовой ночи, когда он первый раз напился медовухи. Напиток был тягучий, тело – легким, как пушинка, а язык не слушался, болтал что-то сам по себе.

Голова кружилась, перед глазами плясали тени, хохоча и шепча ему в уши всякую чушь. Бабка что-то говорила: во всяком случае, Эдвин видел, как губы ее шевелились, но ничего не понимал, и только с изумлением наблюдал за тем, как она то приближалась, то стремительно удалялась, размахивая руками, а полы ее дырявого плаща и длинные седые волосы плавали в воздухе подобно клочкам тумана.

Старуха помогла ему подняться и потянула за собой. Эдвин отчаянно шурился и протирал глаза, стараясь разглядеть, куда он идет, но бесконечное кружение всего вокруг сильно мешало.

Они шли куда-то в темноту. Эдвин постоянно спотыкался, ветки хлестали его по лицу, а голова трещала от шепотков, криков и взвизгиваний тысяч невидимых *исбри*. Духи заглядывали ему в глаза, дергали за рукава и надоедливо о чем-то вопрошали.

Они легко подняли Эдвина и уложили на большую каменную плиту. Толстые стволы деревьев нависали со всех сторон, раскачивались в разные стороны, кивали друг другу, тянулись ветвями и невнятно разговаривали.

Старуха скинула с себя одежду, оставшись совершенно нагой. Эдвин едва не засмеялся: все это казалось ему необычайно забавным. Женщина принялась кружиться вокруг него, а белые космы топорщились в разные стороны, делая ее голову похожей на огромный одуванчик. Эдвин с удивлением глядел по сторонам: затянув странную песню, деревья начали раскачиваться в такт ее движениям, и вдруг некоторые из них, самые небольшие и светлые, обратились в женские фигуры, тоже обнаженные и с развевающимися длинными волосами. Древние старухи и совсем юные девушки танцевали, хлопали в ладоши и бесконечно кружились так быстро, что Эдвину сделалось холодно от вихрей ветра, что они поднимали, а прямо над ним – Эдвин изумленно помотал головой – в иссиня-черном небе среди мириад звезд загорелись одна, две... нет, целый десяток лун. Небесные светила вели хоровод в одну сторону, *исбри* – в другую. Их волосы сплелись в рой светлячков, а пальцы скользили по телу Эдвина. Даже деревья – он уже не понимал, что происходит, – бродили с места на место, скрипя сучьями и переступая корнями.

Женщины танцевали все быстрее и быстрее, сжимаясь вокруг него в тесный круг и протягивая руки-ветви. В его груди нарастал страшный жар, а глазам делалось больно от дикого мелькания белых фигур. Цветной водоворот в голове Эдвина превратился в гигантскую

воронку с пульсирующей в центре чернотой; его крутило и бросало из стороны в сторону, пока не засосало окончательно. Липкие волны объяли Эдвина со всех сторон, и он потерял сознание.

* * *

– До ночи тебе надобно отсюда уйти, – сказала старуха, глянув через плечо.

Эдвин сидел в хижине и за обе щеки уплетал вкуснейшую похлебку из молодой козлятины. Он был голоден до крайности: настолько, что съел уже целых две плоски, но никак не мог понять, наелся или нет. От раны у него остался лишь крохотный рубец, который совсем не болел и имел такой вид, будто зажил уже давно.

Его спасительницу звали Керадина. Она снова возилась у очага, что-то помешивая в небольшой глиняной посудине, стоявшей на огне.

– Конечно. – Эдвин с трудом проглотил последний кусок мяса. – Я не задержусь. Керадина, чем я могу отблагодарить тебя?

Старуха усмехнулась.

– Да ничем. Очень уж ты на моего муженька похож, когда тот совсем молодой был. Оттого, наверное, и не смогла тебя оставить, когда на берегу заприметила. Да и не гоню тебя вовсе, тут в другом дело. *Крушинки* на тебя глаз положили.

– Кто?

– Те девушки. Хоть ты и не в себе был, но заприметил их, наверное? Знаю, трудно парню от таких красавиц взгляд оторвать.

Эдвин пожал плечами.

– Не знаю. Совсем плохо у меня с головой было. А кто они? Это – *исбри*? Лесные? И как я могу отблагодарить их?

– Сама уж как-нибудь с ними договорюсь. Они не жадные, и простым смертным часто просто так помогают. А бывает, что просто так и губят. Очень обидчивые. Так что ты уйти должен.

– Не понимаю. Ежели они меня спасли, то зачем же теперь губить?

Старуха поставила перед ним деревянную кружку с горько пахнувшей жидкостью.

– Пей. Этим совсем залечишься. А губить – нет, не смерти хотят. Я ж сказала: понравился ты им. Ежели мужчина им какой приглянется, то часто так бывает, что к себе его забирают. Танцуют, ласкают, а ихняя любовь ох какая сладкая. А одна из них на тебя глаз положила. Ясноокая такая, небольшого росточка.

– Так они же духи, разве нет?

Керадина хмыкнула.

– Духи иль не духи – то нам не ведомо. Но раз их за разные мягкие места можно пощупать, конечно, когда они того хотят, так стало быть, не совсем духи.

Эдвин слегка покраснел, понадеявшись, что в полумраке хижины бабка этого не разглядит.

– Да, да. – Керадина кивнула. – И мало у кого силы находятся, чтобы от такого телесного наслаждения оторваться. Истончаются быстро. А *крушинки* потом новых себе ищут. Ищут – даже не то слово. Мужики для них вроде забавы. Залюбят до смерти – им в этом интерес.

– Ничего, у меня силы найдутся. У меня уже другая девушка есть, Гвендилена.

– Так если по своей воле от них уйдешь, то они тебе этого не простят. Но в другом еще беда. Как думаешь, когда *крушинки* тебя подлечили? Сколько времени прошло?

Эдвин непонимающе мотнул головой.

– Так прошлой ночью. Разве не так? Или я опять два дня кряду проспал?

– То-то и оно. По ихним-то меркам так и есть, что прошлой ночью, всего-то несколько минут вокруг тебя свои танцы отплясывали. А здесь, в нашем-то мире, уж неделя прошла.

Эдвин подскочил на месте.

– Как?

– Именно. – Старуха с серьезным видом кивнула. – И если какая из них тебя за собой утянет, то будет тебе на пару ночей счастье, и за это же время состаришься, а старый ты *крушинкам* без надобности. А на нашей-то земле – и тем более. Все, кого знаешь, помрут, и Гвендилену твою уж похоронить успеют. А та голубоглазая, помани мое слово, непременно ночью за тобой явится. Я видела, какими она глазами на тебя смотрела. Даром что они говорить не умеют, шипят только.

Эдвин вскочил.

– Так я пойду сейчас.

– Не торопись. Тебе всего-то надо – на ту сторону реки перебраться.

– А там они уже силы не имеют?

– Нет. Эти *крушинки* – местные. Далеко не ходят.

Эдвин задумчиво почесал нос.

– Удивительно: всю жизнь в Талейне прожил, там тоже чащоба вокруг, но ни разу о таких тварях не слышал.

– Тс-с. – Керадина приложила палец к губам. – Не говори так. *Исбри* есть везде, все они слышат, и все они разные. Злые, добрые, полезные и вредные. Но здесь, сынок – особое место. Здесь – *темный лес*. Слышал о таком?

– Слышал, но даже не думал... Матушка сказывала, что он вроде как даже ходить может, бродить с места на место.

Старуха пожала плечами.

– Наверное, может, но я такого не видела. Уж сколько лет здесь живу. А в древние времена, говорят, случалось. Но для этого что-то особенное надобно, такое, чтобы все жители лесные как одно целое поднялись. – Керадина усмехнулась. – А это ох как трудно сделать. *Исбри* – они как дети. Ссорятся постоянно, верещат. Но все равно лучше людей. Зависти в них нет, и тайных мыслей тоже.

– А эти *крушинки* – как вы о них узнали? Как их вызываете? Или здесь, в лесу, места какие особые есть?

Керадина не ответила. Она села на лавку и принялась штопать эдвинову рубаху. Длинная костяная игла летала в ее пальцах словно бабочка.

Наконец она подняла голову.

– Как вызываю – не скажу. Тебе это все равно без надобности, мужчин они слушать не будут. А узнала о них случайно. Мужа они моего от смерти спасли. – Старуха скривила рот. – Или не спасли, не знаю.

– Как так?

– Давным-давно бежали мы с ним от злых людей с самой Тэлейт. Река такая есть, далеко отсюда, знаешь? Злые люди очень сильно его ранили, и он уж одной ногой по ту сторону *Глейра* стоял. А *крушинки* сказали, что спасут, но только если я его им отдам. Я и согласилась.

– Согласились? – пораженно переспросил Эдвин.

– А как иначе? Все равно помер бы наверняка, а так бы я жизнь любимому спасла. Хоть и ненадолго – но я ж не знала тогда, что совсем ненадолго.

– И что же дальше?

– Не получилось у них. Не смогли – слишком рана серьезная да несвежая была. И тогда обратили они его в *сторха*.

– В кого?

– В *сторха*. Люди таких от деревьев не отличают. Но я его чувствую. Он иногда говорит со мной и ветви протягивает.

Эдвин покачал головой.

– Ужас, – пробормотал он, – даже и не знаю, лучше ли это, чем смерть.

– И я не знаю, – сказала Керадина. – Но у *крушинок* со мной уговор был, и так получилось, что свою часть они не выполнили. Теперь они вроде как мне должны.

Эдвин задумался.

– А меня... они тоже забрать хотят?

– Хотят. – Старуха усмехнулась. – Но не получат. Обойдутся. И все – хватит болтать попусту. Скажи лучше – куда собираешься направиться?

Эдвин пожал плечами. Наверное, куда-то на север.

Хижина Керадины стояла в полутора милях ниже по течению реки от того места, где Эдвин упал в воду. Сама старушка в тот момент собирала траву на окраине леса, совсем недалеко от моста, но солдат, что были в деревне, она не видела и ничего о них не знала. По ее словам, здешние жители покинули свои дома уже около месяца назад, сразу после того, как с запада донеслись известия о надвигающейся войне. Эта деревня, называвшаяся Хаврен, располагалась на самой окраине владений графа Деверо, и в случае нападения крестьянам никто бы не помог. Вот и собрались они и отправились все скопом к ближайшему замку. Солдаты, заявившиеся в Хаврен, как думала Керадина, скорее всего, не из этих мест, чужаки.

– Потому как, – размышляла она вслух, – жители давно уже ушли, и наверняка с позволения господина. Стало быть, он должен знать, что в деревне уж нет никого, и народ спасать не надо. Получается, что то были чужие разведчики, – закончила она. А может, и вовсе *гладды*, и в таком случае они могли увезти Гвендилену куда угодно. Если только хуже чего с твоей подружкой не случилось, читалось в глазах старухи, но вслух она этого не говорила и лишь с сочувствием поглядывала на Эдвина.

– На север, – повторил он вслух. – На юге ведь война идет, стало быть, те люди наверняка из далеких мест пришли.

– Здесь – не идет, – отрезала старуха, – здесь – *Темный лес*. Те, с кем люди воюют, сюда соваться не будут. Тут у них врагов нет.

– Почему? И с кем воюют? Вы знаете? А то народ такое рассказывает...

– Знаю только то, что мои друзья поведали.

Керадина помолчала немного, собирая котомку. Она положила туда несколько кусков вяленого мяса, небольшую кожаную бутылку и кремень с кресалом. Чуть поколебавшись, протянула Эдвину нож с тускло поблескивавшим лезвием почти в локоть длиной. Эдвин взвесил его на пальцах. Нож был очень хорош – наверное, лучший из тех, что имелись у старушки, и, наверное, единственный железный.

– Это дорогой подарок, – нерешительно произнес он, – я не могу...

Керадина только махнула рукой.

– Бери, пригодится.

По ее словам выходило, что вовсе не разные лесные твари повинны в этой войне, а сами люди. Давным-давно, рассказывала старуха, все эти земли были безлюдны. Безлюдны, но не безжизненны. Много разного зверья обреталось в этих местах и, кроме прочего – *Дети деревьев*, не животные, но и не человеки. Они жили в мире и согласии с лесом, брали только то, что нужно, а прочие их не трогали, ибо *Дети* выполняли великую задачу – сторожили *Хронош'гарр* – дверь в темный мир.

– Но вот пришли люди, – продолжала Керадина, – и *Дети* их впустили. А что, решили они, земля большая, пустоши и горы не заняты – пусть живут. Но король Корнваллисский отплатил им неблагодарностью: украл и открыл *Хронош'гарр*, чтобы победить своих врагов. И с тех пор черные силы поселились в лесах, одинаково лютые и к *Детям*, и к роду человеческому...

– Не понимаю, – сказал Эдвин, – отчего же тогда люди воюют с этими *Детями*?

Тем временем солнце уже совершило бóльшую часть своего дневного пути. Вслед за Керадиной Эдвин вышел из хижины. Старушка сказала, что доведет его до моста; на удивление, двигалась она очень быстро, с проворством взбираясь на пригорки.

– Не могу сказать. – Она пожала плечами. – Но так думаю, что не может же король себя виновным признать. Вот и считает народ, что это *Дети* злобных тварей выпустили, чтобы род людской изничтожить.

– Как-то все путано...

Керадина усмехнулась.

– А как иначе? Там, где человек со своим убогим умишком появляется, рано или поздно все наперекосяк идти начинает.

– А вы сами... видели этих самых *Детей*?

– Ни разу. Ежели не захотят они, чтобы мы их увидели, то и не заметишь никогда. Сказывают о них разное: что огромные они и клыкастые, с кожей зеленой, но я не особо этим рассказням верю. Можно подумать, много кто с ними встречался. Знаю одно: людишек теперь они не слишком жалуют. Как и те чудища, что нынче повсюду расплодились...

Старушка остановилась на небольшой возвышенности; деревня Хаврен, без всяких признаков жизни, была, как на ладони, а до моста оставалось не больше трех сотен шагов.

– Так что будь осторожен, – закончила она, – по лесам без надобности не шастай, а ежели случится, то первым враждебности не проявляй. Но будь наготове: тот, кто враг, сам нападет. И богов не забывай, они помогут.

Не попрощавшись, старуха повернулась и так же проворно принялась спускаться с холма. Эдвин задумчиво смотрел ей в спину.

– Богов... – пробормотал он, – богов. Керадина, стой! Каких богов-то?

Она что-то крикнула ему в ответ, но налетевший порыв ветра унес слова в сторону. Эдвин еще немного потоптался на месте, вздохнул и решительно направился к мосту.

* * *

Деревня хоть и меньше Талейна, но чище и явно побогаче, решил Эдвин.

Полтора-два десятка домиков с белеными стенами без особого порядка стояли вдоль дороги, уводившей на северо-восток, дальше от реки. Называлась она Апенраде, как сообщила ему старуха, и была одной из самых длинных в Корнваллисе. По эту сторону Срединных гор Эдвин никогда не хаживал, и сейчас с интересом крутил головой – так здесь было тихо и умиротворенно. Удивительно, думал он: до Талейна отсюда всего-то четыре, от силы – пять дней ходу, а выглядит все вокруг так, словно он в одночасье попал на один из тех покрытых зеленью островов в море Арит. По крайней мере, Эдвин именно так представлял себе места, что ему описывал отец, рассказывая о своих дальних путешествиях.

Перед каждым домом располагалась утоптанная площадка, укрытая сверху зарослями белого и темного винограда; здесь стояли аккуратно сработанные столики и лавки. Наверное, подумал Эдвин, у местных жителей в обычае сидеть по вечерам семьями или с соседями, пить вино или наливки, и разговоры разговаривать. А в садиках росли инжир, гранаты и оливы, иногда очень старые, с корявыми стволами, будто сплетенными из сотен окаменевших сухожилий. Единственное, чего он тут не видел, так это высоких деревьев с раскидистыми листьями и сочными желтыми плодами, по словам отца, во множестве произрастающих в южных портовых городах – их названия Эдвин не запомнил. И все это составляло разительный контраст с лесами и неуютными вересковыми пустошами западной части королевства.

Дома были заколочены – все, кроме трех-четырех. Двери болтались на кожаных петлях; по-видимому, те солдаты просто выбили их – может, в надежде на поживу, а скорее, чтобы

расположиться на ночлег. Эдвин заглянул внутрь, но не нашел ни съестного, ни оружия: местные жители собирались не спеша и забрали с собой все ценное.

Без особой надежды Эдвин принялся осматриваться, стараясь в лучах заходящего солнца разглядеть на сухой земле следы событий недельной давности. И нашел. В нескольких десятках шагов от моста, возле одного из домов валялась тряпка. Бывшая некогда женским платьем, грязная и разорванная в клочья, с обрывком веревочки, скреплявшим большую прореху на груди.

Эдвин опустился на землю, едва сдерживая дрожь в коленях. Потом вскочил и рысью понесся по деревне, боясь увидеть страшное.

Остановился, переводя дух. Никого и ничего, ни живых, ни мертвых. Он немного подумал и вернулся к месту находки. Времени с того дня, как его разлучили с Гвендиленой, прошло уже достаточно много, но, слава богам, ни дождей, ни сильных ветров, похоже, не случилось. В нескольких местах Эдвин обнаружил довольно отчетливые следы солдатских сапог. Судя по всему, отряд этих разведчиков был не особенно многочислен; на это указывало и то, что для ночевки им хватило всего четыре хижины.

Вот! Эдвин внимательно всмотрелся в землю, разглядывая отпечаток босой женской ноги. Недалеко нашелся еще один, и еще, но большинство следов были затоптаны наемниками. Юноша перевел дух. Гвендилену оставили в живых и, похоже, повели куда-то, поместив между солдат. След от правого сапога одного из них был явно короче левого: как будто у него пальцев на ноге не хватало, и обувь подогнали по размеру.

Торопясь поспеть до наступления темноты, Эдвин шел скорым шагом, лишь мельком поглядывая на землю, чтобы убедиться, что не сбился с пути. В небольшой ложине за пригорком он увидел многочисленные следы лошадей, а человеческие один за другим пропали.

Эд разочарованно вздохнул. С одной стороны, отпечатки подков видно лучше, но с другой – до этого момента в нем слабо теплилась надежда на то, что, он сумеет догнать похитителей, если поторопится. Эдвин почти побежал, лишь время от времени сверяясь со следами, и всячески гоня от себя мысль, что в каком-нибудь месте они смешаются с другими.

Увы, так и произошло. Милях в трех от Хаврена он вышел на плотно утоптанную дорогу, ведущую с запада на восток. С десятками, да что там – сотнями отпечатков лошадиных подков, старых и новых. Кроме того, здесь совсем недавно прошел купеческий караван или, учитывая военное время, скорее большой отряд солдат с телегами.

Солнце тем временем уже коснулось вершин Срединных гор. Без особой надежды оглядевшись напоследок, Эдвин двинулся обратно в деревню: там можно переночевать, ничего не опасаясь, а наутро – кто знает? – может, ему даже удастся обнаружить что-нибудь новое, что сейчас ускользнуло от его торопливого взора.

Он добрал до Хаврена уже затемно, под назойливое стрекотание невидимых полевых сверчков. Здесь по-прежнему было пустынно. Недолго думая, Эдвин забрался в один из открытых домов, где заметил довольно широкий топчан с соломенным тюфяком.

В доме стояла самая настоящая печь. Прикрыв вход сорванной с петель дверью, он принялся разжигать очаг: вместе с несколькими кусками вяленого мяса, что Керадина положила ему в мешок, он обнаружил там аппетитно пахнущий ломтик соленого бекона, и сейчас уже глотал слюнки, представляя слегка поджаренное на огне лакомство.

На дне котомки нашлось еще кое-что. Эдвин извлек наружу тот самый арбалетный болт, который некоторое время назад чуть не отправил его на тот свет. Достал – и задумался, взвешивая его на ладони, и даже забыв про бекон.

В Талейне у нескольких сельчан имелись арбалеты. Держали их для охоты на крупную дичь, а наконечники стрел были долотовидные, или, реже, в виде полумесяца. Имелись и другие, тупые, для птиц и мелких животных; они глушили жертву силой удара. Этот же болт был

совсем другой. Боевой, длиной не более полулоктя, с граненым острием. Наверное, для того, чтобы пробивать кольчугу, решил Эдвин.

Но он размышлял о другом. Понятно, что воины будут пользоваться несколько иным оружием, чем деревенские жители, и тупые болты им без надобности. И форм у наконечников не меньше, чем самих кузнецов, хотя именно таких, в виде четырехгранного шипа, он раньше не встречал. Но Эдвин много раз с мальчишеским вниманием разглядывал оружие герцогских наемников, когда тем случалось наезжать в Талейн, и сейчас не мог не заметить явного отличия их стрел от той, что он держал в руках.

Все стрелы, что он видел до того, были *черешковыми*: их наконечники крепили в расщепленных древках, обматывая место крепления шнуром. Этот же наконечник со стороны, противоположной острию, выковали в виде металлической трубки, в которую и вставили древко.

Это – хороший кузнец, решил, наконец, Эдвин. Уж точно не доморощенный деревенский ремесленник, чьих умений хватает лишь на топоры да подковы. Такую штуку не всякий смастерит. И родом этот кузнец из тех мест, где железа явно больше, чем в герцогстве Беркли. Может, из города, или какого-нибудь большого замка.

Эдвин поднес стрелу к самому огню, повертел во все стороны, внимательно разглядывая в надежде обнаружить что-нибудь еще, но через несколько минут со вздохом отложил ее в сторону. Ничего, похожего на клеймо, он не нашел. Да и кто ставит клейма на арбалетные стрелы? Хотя, как рассказывали герцогские наемники, у короля разве что подошвы сапог без отметин. А так и на его мече, и на щите, бляхах на кожаном камзоле и, наверное, даже на стрелах значились две царственные буквы «I.L.» – Идрис Леолин.

Но этот-то наконечник явно не королевский, хоть и мастерски сработан. Ну что же, подумал юноша, это неплохо. Может, и удастся ему найти места, где кузнецы не жалеют металла на граненые болты. А там неподалеку, наверное, обнаружится и тот человек с покалеченной ногой.

Перекусив на скорую руку, Эдвин улегся спать.

Наутро, дойдя до той самой тропы, он решительно повернул на восток, лишь мельком глянув в противоположную сторону. Где-то там остались Талейн, его отец и маленькая сестричка. На запад простирались владения его Высочества Эдана Заячьей Лапы, а эта стрела – явно не из тех мест.

Глава 7. Братья

– Глаза б мои не смотрели... И всю эту мишуру мы должны из собственного кармана оплачивать... Тут одной золотой парчи на тридцать гиней, синей – на шесть, подсвечники серебряные – ну, скажи, на кой дьявол целых две дюжины? Muskusa и амбры только на шестьдесят марок...

– Не обеднеем мы от этого.

– Да не том я говорю... Раньше двенадцать эорлинов гроб несли, благородно, по зову сердца и положению, а нынче – дожили! – мужланы, да еще за такие деньги, за которые весь Лонхенбург можно с места на место перетащить... Раза два, туда и обратно, да. Соленосам плата – сплошное разорение и позорище. Дед сейчас, небось, в гробу переворачивается...

– Ишь ты, как благородство-то из тебя поперло... Хватит уже зудеть.

– С чего бы хватит? Думаешь, мне денег жалко? Хотя да – на эту дребедень жалко. По обычаю надо было хоронить. На эль – не жалко, на баранов на вертелах и девок – тоже не жалко, а это все – пустые траты, и над древними законами надругательство. А народ вокруг – глянть, как пялится. Помянь мое слово, аукнется нам все это. Старые боги не будут просто так на такое оскорбление смотреть. Это все Хэвейда штучки: заморочил отцу голову всякими выдумками, а мы теперь расхлебывай. Ведь после похорон весь этот скарб ему отойдет. Я б лучше в могилу все сложил, как предки делали, а этому прохиндею золото отдавать – увольте.

– Элла, заткнись уже. Ты сам точь-в-точь, как старый дед – ноешь по поводу и без повода. Сам же богохульствуешь... Отец этот порядок установил, его и надлежит придерживаться.

– Да пусть уже *Вил* этот порядок заберет со всеми потрохами! А ты, Сигеберт – глупец, вата вместо мозгов, смотришь в рот какому-то чернокнижнику, вместо того, чтобы самому подумать... Что за мерзость... На кой же черт его пять недель там держать...

Элла прикрыл нос широким рукавом. На вид ему было не больше двадцати двух-двадцати трех лет, однако брезгливо изогнутый рот и набрякшие веки как будто принадлежали человеку вдвое его старше. Темные глаза смотрели хмуро и пронзительно; длинные волосы цвета воронова крыла облепили худые скулы, намокнув под мелким морозящим дождем.

Его стан обтягивал длинный, до колен, черный кафтан, расшитый серебром, из-под которого выглядывала ослепительно белая рубаха; на тонком поясе висел кинжал в богато раскрашенных ножнах; жемчужно-серые льняные штаны, длинные и узкие, сшитые по последней моде, были аккуратно заправлены в мягкие сапоги оленьей кожи.

Сигеберт искоса взглянул на брата; внешне тот был полной его противоположностью. Сигберт, широкоплечий красавец с вьющимися светлыми волосами перерос Эллу почти на голову.

– А затем держать, чтобы народ со всего королевства смог собраться. И вони не будет никакой, нечего кривляться. Он уж набальзамирован.

Дождь плотной серой пеленой висел над Лонхенбургом. Небольшая площадь перед часовней святого Этельберта была заполнена народом, но еще больше людей толпилось поодаль за каменной оградой, перешептываясь, и во все глаза разглядывая светлейших графов и герцогов, что маленькими группами стояли перед стершимися от времени ступенями, ведущими внутрь.

Часовня, очень старая, по форме напоминала гигантский куб с полусферой наверху. Камни ее стен были настолько велики, что оставалось только удивляться, каким образом строителям удалось водрузить их друг на друга; на некоторых из них еще можно виднелись грубо стесанные остатки древних барельефов.

Огромные двустворчатые двери наконец с громким скрипом распахнулись, и на пороге показался Великий магистр Ордена Вопрошающих Хэвейд, высокий старик с жестким лицом. Позади него правильным треугольником шли несколько монахов в фиолетовых одеждах.

– Тьфу, нечисть, – буркнул Элла.

Сигеберт дернул его за рукав.

– Слушай, хоть сейчас сдержись. Благодичиние не нарушай.

Элла набрал в грудь воздуха, намереваясь что-то сказать, но, в конце концов, ограничился раздраженным фырканьем. Глянув на приближающуюся группу, оба брата, как по команде, опустили на колени. Их примеру тут же последовали все присутствующие.

Площадь перед часовней была замощена, но дождь, ливший беспрерывно уже с прошлого вечера, сделал свое дело: мутные потоки воды текли по земле, без всякого почтения облепляя грязью расшитые золотом плащи.

За монахами двое мужчин несли большой мраморный ларец, в котором покоилось сердце усопшего – его Величества Идриса Леолина, последнего короля всея Корнваллиса, герцога Когара и Эрвен, маркиграфа Беруина, графа Арно и Кловиса, барона Глоу, и прочая и прочая.

Ларец был очень велик и тяжел, с четырьмя ручками; напряженно сжатые рты носильщиков выдавали, что его вес дается им с трудом. Поравнявшись с Сигебертом, они остановились.

– Пойдем, – шепнул тот Элле.

Они поднялись с колен и взялись за ручки, кивнув в качестве приветствия.

– Беорн, брат...

– Теодрик, брат...

Те наклонили головы в ответ.

– Сигеберт, Элла...

Ухватив ручки поудобнее – они сразу стали мокрыми от дождя, – все четверо встали в ожидании.

Из дверей часовни показалась процессия.

Двадцать четыре члена гильдии соленосов, одетые, как на подбор, в черные платья, с серебряными цепями на груди, несли гигантский помост с балдахином, на котором покоилось тело короля. Идрис Леолин был крупным мужчиной: тяжелая золоченая ткань бугром топорщилась на его животе.

– Вперед! – негромко скомандовал один из монахов.

Высокородные гости поднялись с колен и без особого порядка выстроились за помостом.

За воротами их уже ждали. Толпа подалась, пропуская господ.

На одну телегу, с четырьмя лошадьми, надлежало погрузить ларец, на другую, большую и обитую черным бархатом, тело усопшего. В нее впрягли шесть лошадей под ниспадающими до земли накидками; у животных виднелись лишь глаза.

Монахи тем временем разбрелись в стороны, кланяясь и полушепотом поясняя присутствующим дальнейший порядок церемонии.

– Сейчас идем в храм Равновесия, – бормотали они, – там отпевание, принесение даров и отрешение от жезлов. Похоронная церемония наутро, сразу с восходом. Идем пешком, завтра можно будет верхом ехать. Просьба не опаздывать...

* * *

Братья шли рядом, не разговаривая и лишь изредка поглядывая по сторонам. Народа вдоль дороги, по которой двигалась процессия, осталось не особенно много: весь тот люд, что толпился возле часовни святого Этельберта, ожидая выноса тела, сейчас бегом ринулся в храм Равновесия в надежде перед началом службы занять места получше.

Элла хмуро покусывал губу. Дождь до нитки промочил его роскошное шитое серебром блио, и он едва сдержался, чтобы не за что обругать несчастного мальчишку, который, подскочив к своему господину, услужливо накинул плащ тому на плечи.

Его братья, похоже, дождь не замечали вообще.

Всех их на свет произвели разные жены Идриса Леолина.

Теодрик был старшим – грузным мужчиной лет около тридцати, больше прочих похожим на отца, с полным одутловатым лицом и курчавой рыжей бородой. От него и сейчас несло пивом и луком, и даже дождь оказался не в состоянии перебить этот запах. Фамилии его матери никто не знал – да этой фамилии, похоже, она никогда и не имела. Идрис зачал своего первенца в бане, сделав подарок одной из тех девок, что мыли, чистили и ублажали короля во время омовения. Звали ее Айфе, и она была дочерью какого-то безымянного мыловара – тоненькой голубоглазой девчушкой, с трудом носившей свой огромный живот. Ее никто и не помнил – настолько тихо и незаметно она жила где-то на задворках царских покоев, робко поглядывая на его Величество, когда ей случалось попасться тому на глаза. А потом и вовсе пропала – когда Идрис взошел на трон, и возникла надобность подобрать ему невесту богатую и с происхождением. В один день покои Айфе освободились, а саму ее посадили в повозку и отправили с глаз долой в один из дальних монастырей.

Следующая избранница короля, подарившая ему Беорна, прожила недолго. Кордейла была единственной дочерью и наследницей Пebbы, Великого Восточного герцога, и лишь это обстоятельство заставило молодого короля скрепя сердце согласиться на брак. Кордейла не только обладала мелким крысиным личиком, но еще отличалась нравом сварливым и раздражительным, не говоря уже о том, что по возрасту годилась своему супругу в тетки. И была, как говорили, жуткой ревнивицей. Она закатывала мужу страшные скандалы каждый раз, когда замечала его заинтересованный взгляд, брошенный в сторону какой-нибудь смазливой девицы. Однако ж земли, доставшиеся ей в наследство, того стоили: владения Пebbы Пенардина простирались на север от королевских почти на сотню миль, захватывая графства Морвэн, Эри и Корнин, множество баронств и крупных портовых городов на восточном побережье Корнваллиса.

Кордейла умерла ровнехонько через девять месяцев, промучившись от страшных болей больше полутора суток. Внутри нее что-то порвалось, и кровь хлынула таким потоком, что Идрис даже подивился, откуда ее столько в его тщедушной женушке. Зато наследник уродился на славу: крупный, розовощекий малыш с пушком на голове. Таким Беорн и вырос: веселым, здоровенным парнем с вьющимися волосами и широкой добродушной улыбкой.

После смерти Кордейлы Идрис больше не женился – во всяком случае, по новому обычаю, как настаивал Великий магистр Хэвейд. Насколько Элла знал, монах появился при дворе примерно в это самое время, полностью завладев вниманием короля. Идрис был еще молод и строен, и идеи, которые Хэвейд вдалбливал ему в голову, показались государю интересными и полезными.

Один король – одна вера, толковал хитрый старикан.

– Ведь отчего так получается, – говорил Хэвейд, – что король-то в Корнваллисе есть, а власти у него – только на свои владения? И Эдан Заячья Лапа, и Пebbа, и Хильдеберт из Анга, и Лотар Этайнский, и еще добрый десяток других светлейших герцогов чувствуют себя полными господами в своих землях. А государь всяя Корнваллиса лишь корону на голове носит, и даже права судить их споры не имеет.

– А оттого, – продолжал он, – что каждый из них, ничтоже сумняшеся, полагает, что ведет свой род от одного из древних богов, и сам черт ему не брат. Но давно уж доказано, что лишь великий судия Аир – единственный подлинный создатель миров и отец всего сущего, и направляет он течение событий посредством двух своих сыновей-братьев, Инэ и Белара, из самого себя им созданных. За морем Арит все признали всемогущество Аира, и короли в своих

государствах правят самовластно, опираясь на авторитет единой веры, а все прочие склоняются перед их властью.

«Тра-ля-ля, тра-ля-ля», – мысленно пропел Элла. Скользкий старикан.

Конечно, резон-то в словах Хэвейда имелся, да только вера должна быть подкреплена силой. В этом Элла был убежден. А пока складывалось так, что только Орден Вопрошающих богател и распухал за счет королевских подаваний, обрастал монастырями, замками и, что опаснее – наемными солдатами. Вместо одного короля получили двух, а вместо десяти герцогов – одиннадцать, причем самый хитрый и коварный из них сидел в самом центре королевских владений и обладал властью и влиянием куда большими, чем монарх. А сам король, близорукый и недалекий, не видел или не желал видеть, как его земли и деньги утекают в казну Ордена.

Мои братья доверчивы и наивны, как дети, раздраженно подумал Элла.

Кто управлял государством в течение этих пяти недель, пока тело усопшего невесть зачем лежало в часовне? В часовне, со стен которой предусмотрительно сбили и соскребли изображения древних богов? Кто собирал налоги, десятины и вершил суд? Они даже не дают себе труда подумать. Хэвейд, конечно. Взвалил на себя тяжкое бремя, так сказать. А братья просто хлопают глазами и плывут по течению.

И дальше будет только хуже.

По словам Хэвейда, Идрис Леолин перед смертью написал завещание, и это обстоятельство Элле слегка беспокоило. Даже не слегка, признался он самому себе, чего уж душой крикнуть. За одно это новшество Хэвейда следовало бы отправить на дыбу. Королю наследует сын, если он один, а если несколько – все наследство делится между ними. Так заведено со времен каменного короля Мередидда Уриена, первого из их рода. Конечно, за три с половиной века, что существует Корнваллис, не раз бывало, что в стране появлялось два, три, а то и четыре короля, но только один из них был старшим, и рано или поздно все земли вновь собирались под его властью, окрепнувшей и разбогатевшей за счет войн и браков. Последний раз, насколько знал Элла, такое случилось всего-то полста лет тому назад, когда между собой невесть из-за чего перегрызлись сыновья короля Лотара, и говорят, в этом были повинны их жены. Ну и что же? Прошло немного времени, и государство вновь воссоединилось. Это – обычай, хотя и не закрепленный в законе, а все, что не закреплено в законе, Хэвейд переиначивал себе на пользу.

О содержании завещания пока можно было только догадываться. И Элла догадывался. Он украдкой взглянул на своего брата – вот где собака-то зарыта. Вот он – Сигеберт, любимчик покойного короля и самый способный ученик Великого магистра.

После Кордейлы Пенардин у Идриса сменилось еще три или четыре жены. Или шесть, или восемь – тех, которые достаточно долго жили при дворе и делили с ним ложе. Хэвейд настаивал на том, чтобы король вступил в брак сообразно новому порядку: в церкви, при свечах и под пение служек, но в этом Леолин оказался негибким. Что он, каждую бабу должен к алтарю вести перед тем, как она ноги раздвинет? Или после того? Увольте. Главное – монаршая кровь, говорил он, а потом из отпрысков моих уж можно будет выбрать наиболее достойного. Какая разница, которая из них принесет мне доброго наследника? Так отцами установлено, и так при мне будет, заключал он, пьяно посмеиваясь, а дети мои пусть сами за себя решают.

Сигеберт был сыном Лиэннон, которую Элла до сих пор смутно помнил. Высокая, статная женщина с вызывающе пухлой грудью и озорным взглядом слегка прищуренных глаз. Родом она была вроде из Фергусов Айдгермарских, во всяком случае, так утверждала она сама, но для Идриса это не имело никакого значения. По какой надобности она оказалась во дворце, никто не знал, но ее беззаботный нрав и роскошные формы быстро протоптали ей тропинку в кровать короля. Она родила ему сына и двух дочерей, Айлин и Беатрис, а потом сгинула в одночасье от чумы.

Король переживал страшно, пил запоем. Лиэннон осталась самой большой его любовью, хотя еще при ее жизни это не мешало ему время от времени развлекаться с другими женщи-

нами – знатными или из дворни. Идрис был не особенно разборчив. От одной из них, двумя годами позже Сигеберта, на свет появился Элла.

Своего младшего сына Идрис Леолин всерьез не воспринимал. Старший, Теодрик – тот был первенцем, похожим на отца, как отражение в зеркале: такой же большой и рыхлый, с удовольствием составлявший ему компанию на охоте или в попойке. Беорн – на первый взгляд туповат, но добродушен и послушен. Надо призвать к ответу какого-нибудь мелкого барона за то, что тот ополченцев не по норме прислал, или за тридевять земель в Корнавон съездить, там налогов недобор, или еще куда по мелочи – пожалуйста. Беорн к каждому поручению относился так, как будто от этого зависело спасение его души. Правда, получалось все у него почти всегда наперекосяк, но отец его послушание ценил. Сигеберт – ну, это отдельный разговор. Высокий красавчик с копной светлых волос, как у его любимой Лиэннон, правильный и благородный. Старый король довольно покачивал головой, слушая, как Сигеберт рассуждает о новой вере – проще и понятнее, чем сам Хэвейд, и откровенно любовался сыном, когда тот на поле брани, привстав на стременах, выхватывал сверкающий меч.

Сигеберта отличала только одна слабость – женщины (а у всех женщин, кажется, тоже была только одна слабость – Сигеберт, отметил про себя Элла), но Идрис лишь усмехался, когда узнавал про очередную зазнобу своего любимчика, видя в нем продолжение самого себя. Однако и при этом Сигеберт умудрялся вести себя правильно – он никогда не опускался до прислуги, и ни одна из тех смазливых девиц, что побывали у него в постели, надолго там не задерживалась. Супруга должна быть одна, считал он, не столько по личным соображениям, сколько исходя из пользы королевства. А достойной претендентки на роль супруги он пока себе не нашел.

Элла же вырос белой вороной в компании своих братьев. Хм, белой... Он мысленно фыркнул. Невысок, черен и всегда себе на уме. Отец слишком многое делал неправильно, и он, Элла, по собственному скромному мнению, стал бы куда лучшим правителем для этой страны. Беда в том, что его суждения в большинстве случаев расходились с мнением самого короля и старших братьев, которые только отмахивались от глупостей, которые нес этот хмурый недоросток. Элле дико раздражало, что отец постоянно ставит Сигеберта ему в пример, даже в том, что касается женского пола, и намеренно начал поступать по-другому, не делая никаких различий между служанками и мелкими дворяночками.

Последняя, кстати, была ничего. Агнес, побочная дочка какого-то мелкого сира из Рудлана, молоденькая и горячая. Но уже на следующее утро Элла вышвырнул ее из своих покоев, наградив парой оплеух – за то, что та коровьими глазами пялилась на Сигеберта, который в это время показался во дворе.

Дождь между тем кончился, и выглянувшее из-за туч солнце стало заметно припекать. Элла небрежным движением скинул плащ с плеч, не озаботившись посмотреть, поймал ли его мальчишка, как его там – Глойн, что ли? Ежели не поймал – пусть пеняет на самого себя.

Впереди, в полумиле от процессии, показались бревенчатые стены Лонхенбурга.

* * *

Лонхенбург был молодым городом. Молодым и старым одновременно.

Еще во времена Первого королевства Эдгар Длинная Шея заложил здесь замок, о существовании которого напоминали только огромные замшелые валуны, лежащие в основании нынешнего Лонливена.

Потом случилась Война Цветов – почему она получила такое странное название, Элла так и не разобрался. Людские племена, незадолго до того переселившиеся на эти благодатные земли, схлестнулись не на жизнь, а на смерть – остров Корнваллис показался им слишком маленьким для того, чтобы жить в мире. И Длинная Шея проиграл. Бывшие его сорат-

ники разорвали королевство на части, оставив Эдгару развалины его дома и, как признание его заслуг, корону.

Дважды замок пытались отстроить заново. Место было прекрасное: на высоких берегах полноводной Тэлейт, что неторопливо несла изумрудные волны к морю Арит, среди дубовых и грабовых лесов. Главное же, если отбросить все эти красоты в сторону, заключалось вот в чем (тут Элла усмехнулся): тот, кто владеет Лонливленом, владеет Северным трактом, единственной удобной дорогой, что связывала части королевства. Конечно, имелись и другие пути с юга на север – морем, или через Срединные горы, но жители Корнваллиса море не жаловали, а горы были слишком высоки и труднопроходимы. Старая дорога через Дубренский лес пользовалась дурной славой: во время войны Трех Королей там пропала, сгинув без следа, целая армия, четыре тысячи всадников и пехоты, которых король Модред Эдгариддин неосмотрительно повел прямо через чащу.

Именно поэтому могущественные лорды старались разрушить Лонливен с таким же упорством, с каким короли его отстраивали.

И однажды чаша весов склонилась в другую сторону. Великий Мередидд Уриен, Собиратель королевства, нанес жестокое поражение своим противникам. Случилось это во время так называемой Войны Теней – еще одно название, которому Элла не мог найти объяснения.

В отличие от Теодрика и Беорна Элла умел читать и писать. Его старшие братья пошли в отца, а Идрис Леолин всегда с насмешкой воспринимал тягу Эллы к книгам. Идрис свято верил, что сие ненужная трата времени, ибо «короли грамотны от рождения», в смысле, с пеленок знают все то, что могли бы узнать, овладев грамотой.

Элла в словах отца сомневался, хотя даже книги не всегда давали ответ на интересующие его вопросы. Как, например, в случае с Войной Теней. В Лонливлене имелась библиотека, старая и очень богатая – не меньше двух дюжин фолиантов. Многие из них короли отняли у непокорных вассалов, и в том числе – толстенный манускрипт с полустершимся тиснением на красной коже: «История правления каменного короля Мередидда Уриена». Элла прочитал его весь. Там все было расписано почти по дням, изложено четко и понятно, кроме одного: безымянный автор начинал путаться и впадал в образность и велеречивость, когда требовалось рассказать о том, как Мередидд победил своих врагов, и каким образом монаршая власть, бывшая до этого любимым мальчиком для битья, внезапно окрепла и встала на ноги.

– Чего тут думать-то? – Идрис Леолин только пожал плечами, когда Элла, еще будучи мальчишкой, задал ему этот вопрос. – Все просто: он был великим воином, и недруги склонились перед мощью его меча. Ибо правда, сын мой – она в силе.

Его Величество в тот момент изволили кушать. Он сидел, развалясь, на огромном деревянном кресле, покрытом затейливой резьбой, и, рыгая, обгладывал свиную ногу. Убедившись, что на кости не осталось и клочка мяса, Идрис запустил ею в юношу-раба, который, опустив очи долу, с видом безнадежной покорности стоял чуть поодаль. Тот еле слышно охнул: кость попала прямо ему в голову.

– Так что оставь ты все эти книжки монахам, – произнес король, вытерев рот рукавом и вновь взглянув на Эллу, – это их хлеб, и это они должны писать истории славных царствований и наших побед. А ты только попусту тратишь время, вороша кости покойников. Эти книжки – не для тебя, сын мой, они – для простолюдинов, которые должны свято верить в непогрешимость своего короля. Озаботился бы ты лучше тем, чтобы о тебе нашлось, что написать. И запомни: не напишут ничего хорошего, пока ты не раздавишь своих врагов. Прав всегда только победитель, и только истина исходит с его языка.

Последнее из сказанного Эллу запомнил и намотал на ус, но это, впрочем, не убедило его в достоверности слов о мощи мередиддова меча: ведь в течение предыдущих лет правления каменного короля его воинские таланты никак не проявлялись. Но вдруг вспыхнула Война

Теней, и за пару месяцев непокорные сиры Корнваллиса были либо уничтожены, либо склонили свои головы, признав могущество своего государя.

Впрочем, ненадолго. После смерти Мередидда, правившего очень недолго, на престол взошел его старший сын Ллойн, и тому хватило разума лишь на то, чтобы за несколько лет расшатать здание, построенное его отцом. Каждый из его шести братьев получил огромный кусок земли и титул герцога, а четырех сестер он выдал замуж за потомков первых корнваллиссских князей – всех с хорошим приданым. И история началась по новой. Королевство оказалось раздроблено, и король, хотя и считался с тех пор признанным сюзереном, стал править с молчаливого согласия остальных властителей, являясь всего лишь первым среди равных.

Ллойн Длиннобородый возобновил строительство королевского замка. По замыслу Эдгара Длинная Шея, его основателя, Лонливен должен был стать самой величественной и неприступной крепостью Корнваллиса, о чем свидетельствовали гигантские по размерам валуны, заложенные в его основание. Увы, собственных возможностей Ллойна и отпущенного ему богами времени хватило лишь на постройку каменного донжона – действительно величественного и очень большого. Он стоял на вершине обрывистого холма в излучине Тэлейт, и виднелся издали: четырехугольная в сечении башня не меньше ста футов высотой и длиной каждой стороны в пятьдесят; внутрь вели окованные железом ворота в три человеческих роста. А последующие короли Корнваллиса, убаюканные долгими годами мира, и вовсе пустили это дело на самотек: донжон так и остался единственным каменным сооружением в замке.

Все прочее пространство Лонливена – и это, по мнению Эллы, не только выглядело невероятно нелепо, но было крайне неразумно с точки зрения обороны, – застроили деревянными домами, большей частью бревенчатыми, довольно обширными, располагавшимися на древних фундаментах. Три-четыре выстрела из требушетов – и пожар мгновенно охватит весь замок.

Хотя бы то хорошо, считал Элла, что королевское жилище окружили каменной стеной, высокой и прочной, с воротами, к которым вел так называемый Главный мост. Дурацкое название, ибо других мостов не имелось.

Мост выстроили широкий – четыре рыцаря легко могли бы проехать по нему в один ряд, а парапет высотой до пояса человека обеспечивал безопасность: случись кому упасть вниз, он наверняка бы разбился о каменистое дно вручную вырытого рва глубиной почти полторы сотни локтей. По весне Тэлейт, разбухнув от таявших снегов, заливала ров водой, а затем отступала, оставляя мутноватую цветущую жижу с дурным запахом, медленно испаряющуюся в течение всего лета.

По сравнению с самим мостом парапет являлся новостройкой. Возвели его, сначала с одной стороны, потом с другой, в царствование Осбальда, дяди короля Идриса, после того, как телега, в которой ехала его первая супруга, рухнула вниз. Рассказывали, что лошади ржали, как безумные, и тянули изо всех сил, но повозка была слишком велика и тяжела – целый дом на колесах, с кроватью и жаровнями внутри, чтобы ее величество не испытывала холода. Королеву удалось спасти всего лишь за мгновение до того, как это сооружение с шестеркой коней сорвалось с моста.

Процессия на некоторое время задержалась на пригорке, – у одной из лошадей, запряженных в повозку с ларцом, слетела подкова – и Элла в который раз окинул взглядом расстилавшийся перед ним Лонхенбург.

Впрочем, не только Элла. Нервно покусывая губу, он заметил, что на столицу устремлены взгляды всех его братьев. Они стояли рядом, но в тот момент были бесконечно далеки друг от друга. Завтра кто-то из них станет королем всего Корнваллиса и полновластным господином этого города, а остальные...

Н-да, остальные... Элла задумчиво почесал нос. Если корона достанется Сигеберту, а так наверняка так и случится – иначе зачем составлять какое-то завещание? – то на его благород-

ство можно будет рассчитывать. Но если ее унаследует скуповатый Теодрик или пустоголовый и тщеславный Беорн... Элла даже не мог предположить последствий.

– Господин... – Еле слышный шепоток заставил его обернуться.

Тот самый мальчишка – Глойх, что ли? – нерешительно топтался рядышком, переступая босыми ногами. Хозяйский плащ он перебросил себе через плечо. Поймал-таки, удовлетворенно подумал Элла.

– Что тебе?

– Там Хедин... – пробормотал слуга. – Говорит, у него до вашей милости есть дело.

Элла коротко кивнул и мельком глянул на братьев. Кажется, они не слышали, или не обратили внимания. Хорошо.

– Веди, – сказал он мальчишке.

Сигеберт обернулся, вопросительно посмотрев на Эллу. Тот махнул рукой.

– Дело важное, – на ходу пояснил он, – я догоню вас у храма.

Глава 8. Первая кровь

По словам мальчишки, нужно было чуть вернуться назад, а затем свернуть с основной дороги в сторону, вниз по холму. Хедин ждал там, в небольшом лесочке.

Элла быстро зашагал вслед за слугой, на ходу кивая знакомым, тем, кого он не успел приветить возле часовни святого Этельберта. Приехали не все, и это молодой человек заметил сразу. Граф Деверо, здоровенный детина с длинными темными волосами и шрамом во все лицо, что-то втолковывал грузно переваливавшемуся рядом сиру Кевлавероку – эти два слона, судя по всему, нашли друг друга; трое лордов из восточных земель – виконт Брех, граф Макдаф и барон Абердур тихо перебрасывались словами, разглядывая лежащую у их ног столицу; сир Яго Овейн, кивая плешивой головой, со вниманием выслушивал речи магистра Хэвейда; и еще с дюжину всяких лордов и знатных господ, в основном с востока и ближнего севера королевства.

И никого из великих и могучих. Ни герцога Оффы Ллевеллина, ни Нитгарда Тэлфрина, ни Эдана Заячья Лапа, ни Бедвира, ни прочих – никого из первородных властителей западных, южных и северных земель Корнваллиса. Затаились, как гигантские пауки в своих норах, подумал Элла, и выжидают. Только вот чего? Не того ли, когда и сколько смогут отхватить от наследства короля Идриса?

– Он смотрит на нас, – несколько испуганно проговорил мальчишка, в ответ заслужив лишь подзатыльник. Элла и сам заметил брошенный мельком пронизывающий взгляд Хэвейда, когда они проходили мимо.

– Сир! – возвысил голос Великий магистр, – Храм Равновесия совсем в другой стороне. Вы можете опоздать к началу службы.

Элла принужденно остановился и кивнул в качестве приветствия.

– Я постараюсь успеть, мастер, – криво ухмыльнувшись, ответил он. – Отлить приспичило... Намедни, знаете ли, вина перепил.

– Вы должны беречь себя, сир, – без тени насмешки сказал Хэвейд.

– Непременно.

С языка Эллы рвались еще несколько слов, но он сдержался, лишь вежливо махнув рукой на прощанье. Тем временем подкову у лошади прибили, и вся процессия неспешно двинулась по направлению к Лонхенбургу. Элла проводил ее глазами.

– Он вас не любит, сир, – словно извиняясь, пробормотал мальчишка.

Элла чуть не поперхнулся. Да что за глупый щенок? Что на уме, то и на языке. Надо будет при случае отослать его прочь, что ли.

– Веди! – рявкнул он, подняв руку, как для удара. Тот, вжав голову в плечи, послушно засеменял впереди.

Глойн, конечно, бестолков, но Элле его было жалко.

Года три тому назад в Нолтлэндских горах случился небольшой мятеж: полсотни крестьян, задавленных непомерными налогами, взбунтовались, выкинув из своей деревни королевских сборщиков. Хуже того, сторону смутьянов принял их господин – какой-то местный рыцарь, голодранец, сам перебивавшийся с хлеба на воду. Как обычно, отец послал туда Беорна, а тот навел порядок по своему разумению, ни оставив ни кола, ни двора, и ни одной живой души на десять миль в округе. А вскоре ко двору приехала худая изможденная женщина с мальчиком лет восьми-девяти. Она была вдовой того самого рыцаря, невесть как уцелевшей во время этих событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.